

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

МАЙКЛ МАКДАУЭЛЛ
ЭЛЕМЕНТАЛИ

Легенды хоррора

Майкл Макдауэлл

Элементали

«Издательство АСТ»

1981

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Макдауэлл М.

Элементали / М. Макдауэлл — «Издательство АСТ»,
1981 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-132809-2

Три поколения Сэвиджей и МакКреев, богатых и аристократических кланов, решают провести лето на побережье Мексиканского залива, в местечке Бельдам. Здесь, прямо на обжигающе жарком пляже, стоят три викторианских особняка, принадлежащих семьям. Два из них вполне обычные, а вот в третьем уже давно никто не живет, и он практически похоронен под огромной дюной из ослепительно-белого песка. Там нет людей, и никто не помнит или не хочет помнить, когда он опустел. Об этом доме не принято говорить, о нем ходят странные легенды, в его пустых комнатах живет что-то, навевающее кошмары. Что-то ужасное, и, возможно, именно оно несет ответственность за несколько страшных и необъяснимых смертей, которые произошли здесь много лет назад. Но теперь оно проснулось, и все изменится, ведь зло, скрывающееся в заброшенном особняке, жестоко, мстительно и очень голодно.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-132809-2

© Макдауэлл М., 1981

© Издательство АСТ, 1981

Содержание

Пролог	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Майкл Макдауэлл Элементали

Пролог

В самый разгар унылого полудня среды, в один из последних душных майских дней, горстка скорбящих собралась в церкви Святого Иуды Фаддея в Мобиле, штат Алабама. Кондиционер в небольшом святилище не всегда перекрывал шум перекрестка, и резкие автомобильные гудки вплетались в музыку органа, словно искаженные ноты. Место это было тусклым, влажно прохладным и пахло цветами из холодильника. Позади алтаря сходящимися линиями расположились две дюжины громадных дорожных букетов. Огромное одеяло серебряных роз, ниспадая, раскинулось поперек голубого гроба, лепестки рассыпались по белой сатиновой обивке. В гробу лежало тело женщины чуть за пятьдесят. Черты ее лица были неподвижными и несколько квадратными, от уголков рта к челюсти шли глубокие борозды. Смерть настигла Мэриэн Сэвидж не в самый счастливый период жизни.

На скамье слева от гроба сидел Дофин Сэвидж, сын усопшей. На нем был темно-синий костюм, плотно облегающий его по прошлогодней мерке, на руке черная шелковая лента, похожая скорее на жгут. Справа от него в черном платье и черной вуали стояла его жена Ли. Ли приподняла подбородок, чтобы видеть профиль мертвой свекрови в голубом гробу. Дофин и Ли унаследуют почти все.

Большая Барбара МакКрэй, мать Ли и лучшая подруга усопшей, сидела на скамье прямо позади и громко плакала. Ее черное шелковое платье поскуливало вместе с хозяйкой, скрючившейся от горя на полированной дубовой скамье. Подле нее с раздражением закатывал глаза от нелепого поведения матери Люкер МакКрэй. Люкер считал, что для покойницы сложно было бы сыскать лучшее место, кроме как в этом гробу. Рядом с Люкером сидела его тринадцатилетняя дочь Индия, которая не знала Мэриэн при жизни. Девочка занимала себя разглядыванием церковных занавесок, чтобы потом воспроизвести орнаменты в вышивке.

По другую сторону центрального прохода сидела единственная дочь усопшей, монахиня. Сестра Мэри-Скот не плакала, но время от времени слышалось слабое постукивание ее четок о деревянную скамью. На несколько скамеек позади монахини сидела Одесса Ред, худая, мрачная чернокожая женщина, которая работала на умершую три десятка лет. На Одессе была крошечная синяя вельветовая шляпка с пером, выкрашенным индийскими чернилами.

Перед началом похоронной церемонии Большая Барбара МакКрэй толкнула дочь и спросила, почему не было печатного приглашения на службу. Ли пожала плечами.

– Дофин сказал, что так лучше. Меньше суеты для всех, поэтому я никому не говорила.

– И никого не пригласила! – воскликнула Большая Барбара.

– Дофин даже заставил носильщиков ждать снаружи, – добавила Ли.

– Может, ты знаешь *почему*? – потребовала ответа мать.

– Нет, – ответила Ли, не ведающая, но и не заинтересованная. – Почему бы тебе не спросить Дофина, мама? Он сидит рядом с тобой и слышит каждое твое слово.

– Дорогая, я думала, ты знаешь. Я не хочу беспокоить Дофина, ему и так несладко.

– Заткнись, Барбара, – сказал ее сын Люкер. – Ты прекрасно знаешь, почему это закрытые похороны.

– Почему?

– Потому что мы единственные во всем Мобиле, кто пришел бы. Нет смысла рекламировать цирк, если все ненавидят клоуна.

– Но Мэриэн Сэвидж была моей лучшей подругой, – запротестовала Большая Барбара.

Дофин Сэвидж, не слишком внимательно следивший за перебранкой, обернулся и без злости сказал:

– Тише, вы, пожалуйста, священник уже здесь.

Они встали на колени, получили краткое благословение священника, поднялись и спели гимн «Пребуди со мной».

Между второй и третьей строфами Большая Барбара МакКрэй громко встала: «Это была ее любимая!» Она взглянула на Одессу через проход, и короткий кивок крашеного пера подтвердил ее слова.

Пока другие пели «Аминь», Большая Барбара МакКрэй сказала: «Я уже по ней скучаю!»

Священник прочитал службу по усопшей быстро, но не без симпатии. Дофин Сэвидж поднялся, подошел к краю скамьи, как будто был недостойн занять место поближе к гробу, и произнес краткую речь о своей матери.

– Все, кому посчастливилось по-настоящему узнать маму, были от нее без ума. Я мог бы сказать, что она была счастлива, но увы, это далеко от правды. Ее счастливая жизнь закончилась после того, как умер папа. Она вырастила Мэри-Скот, и Дарнли, и меня, подарив всю любовь мира, даже несмотря на то, что часто приговаривала, что должна была умереть в день, когда папу похоронили. А потом и Дарнли тоже умер. Все знают, как тяжело ей было в последние годы – ведь химиотерапия имеет множество побочных эффектов, и даже тогда нельзя быть уверенным, что она сработает. Конечно, нам всем очень жаль, что мама умерла, но мы не можем сожалеть о том, что ее боль утихла.

Он вздохнул и посмотрел на Мэриэн Сэвидж в гробу. Отвернувшись, продолжил более грустным и мягким тоном.

– Сейчас она в том самом платье, в котором была на нашей с Ли свадьбе. Она говорила, что это самое красивое платье из всех, что у нее были. После приема она сняла его, повесила на вешалку и сказала, что хранила именно для *этого* момента. Она была бы счастлива увидеть, сколько цветов здесь сегодня, увидеть, насколько она была небезразлична людям. С самого момента ее смерти люди звонили и спрашивали, нужно ли им принести цветы или отправить пожертвование на исследование рака, а Ли и я – кто бы ни взял трубку – говорили: «Ох, пришлите цветы, маму никогда не интересовала благотворительность, но она так надеялась на то, что, когда умрет, в церкви для нее будет множество цветов. Она хотела, чтобы их аромат доходил до небес!»

Большая Барбара МакКрэй энергично закивала и громко прошептала: «Прямо как Мэриэн... прямо как она!»

Дофин продолжал:

– До визита в похоронное бюро я был очень расстроен смертью мамы. Но вчера я вошел туда, увидел ее, и теперь я в порядке. Она выглядит такой счастливой! Такой естественной! Я смотрю на нее и думаю, что она ушла, сидит теперь на небесах и переживает за меня! – Дофин повернулся к гробу и нежно улыбнулся мертвой матери.

Большая Барбара МакКрэй обняла дочь за плечо.

– Ты приложила руку к написанию поминальной речи, Ли?

– Заткнись, Барбара! – сказал Люкер.

– Мэри-Скот, – Дофин обратился к монахине, – хочешь что-нибудь сказать о маме?

Сестра Мэри-Скот покачала головой.

– Бедняжка! – прошептала Большая Барбара. – Могу поклясться, что она просто раздавлена горем.

Повисла тревожная пауза. Священник уставился на Дофина, который все еще стоял у края скамьи. Дофин смотрел на сестру, которая возилась с четками. Органист разглядывал их со своего балкона, будто ожидая сигнала.

– *Вот* поэтому и нужна распечатанная программка! – прошептала Большая Барбара сыну, посмотрев на него осуждающе. – Когда распечатанной программы нет, никто просто не имеет понятия, что делать дальше. Я могла бы вставить ее в свой памятный альбом.

Сестра Мэри-Скот внезапно поднялась со скамьи.

– Она все-таки собралась говорить? – спросила Большая Барбара с ноткой надежды в голосе, которую все услышали.

Сестра Мэри-Скот не заговорила, но ее подъем определенно был сигналом. Органист, пару раз неуклюже задев ногой по педалям органа, вылез из своего чердака и скрылся за маленькой боковой дверью.

Кивнув Дофину и сестре Мэри-Скот в заговорщическом молчании, священник резко повернулся на каблуках. Его шаги эхом вторили органисту, удаляющемуся из святилища.

Эти двое служащих как будто внезапно решили по исключительной и непреодолимой причине покинуть церемонию до ее завершения. А похороны, конечно же, еще не закончились: не было ни второго гимна, ни благословений, ни постлюдии. Носильщики все еще ждали снаружи храма. Скорбящие остались наедине с телом усопшей.

В крайнем удивлении от такого необъяснимого происшествия Большая Барбара обернулась и громко сказала Одессе, которая сидела в десятке метров от нее:

– Одесса, что они себе позволяют? Куда ушел отец Нэлти? Почему этот мальчик перестал играть на органе – когда ему *платят* за похороны, он всегда играет, я знаю!

– Миз Барбара... – умоляюще проговорила Одесса.

– Барбара, – тихо сказал Люкер, – отвернись и просто замолчи.

Она начала протестовать, но Дофин с горечью одернул ее:

– Большая Барбара, прошу...

Большая Барбара, любившая своего зятя, застыла на скамье, хоть это и стоило ей усилий.

– Пожалуйста, давайте все вместе помолимся за маму пару минут, – сказал Дофин. Остальные послушно склонили головы.

Краем глаза Индия МакКрэй заметила, как сестра Мэри-Скот достала из-под своего скапулярия¹ узкий черный ящик. Она крепко держала его в руках перед собой.

Индия слегка щелкнула длинным накрашенным ногтем тыльную сторону ладони отца. «Что там у нее?» – спросила его шепотом.

Люкер взглянул на монахиню, озадаченно покачал головой и прошептал в ответ: «Не знаю».

Долгие секунды в святилище не было ни единого движения. Неожиданно запустился кондиционер, заглушая уличный шум. Никто не молился. Дофин и Мэри-Скот, потрясенные и явно более всех смущенные, стояли, глядя друг на друга через центральный проход. Ли немного наклонилась и повернулась боком. Положив локоть на спинку скамьи, она приподняла вуаль, чтобы обменяться недоуменными взглядами с матерью. Люкер с дочерью сжали ладони друг друга, выражая свое изумление. Одесса пристально смотрела перед собой, словно от нее не стоило ожидать удивления по поводу того, что происходило на похоронах такой своенравной женщины, как Мэриэн Сэвидж.

Дофин громко вздохнул и кивнул сестре. Они медленно двинулись к алтарю и заняли места за гробом, не глядя на мать, мрачно уставившись перед собой. Дофин взял у монахини узкий черный ящик, сдвинул защелку и приподнял крышку. Все МакКрэи вытянули шеи, но не смогли разглядеть, что внутри. На лицах брата и сестры было что-то одновременно настолько испуганное и торжественное, что даже Большая Барбара воздержалась от замечаний.

Из ящика Мэри-Скот достала сверкающий кинжал с узким лезвием длиной около двадцати сантиметров. Дофин и сестра Мэри-Скот вместе держали оружие за отполированную рукоять. Дважды они провели им над открытым гробом, а затем направили острие прямо на небьющееся сердце матери.

---

¹ Скапулярий – часть монашеской одежды, длинная широкая лента, надеваемая на плечи.

Удивление Большой Барбары было настолько велико, что ей пришлось встать; Ли схватила ее за руку и вскочила. Люкер и Индия последовали примеру, как и Одесса, сидевшая через проход. Встав, скорбящие смогли заглянуть в гроб. Они почти ожидали, что Мэриэн Сэвидж приподнимется в знак протеста против таких необычайных процедур.

Сестра Мэри-Скот отпустила рукоять ножа. Ее руки дрожали над гробом, а губы двигались в молитве. Ее глаза широко раскрылись, когда она наклонилась к гробу и разорвала льняные погребальные одежды. Неприукрашенная плоть Мэриэн Сэвидж была отчетливо желтой; сестра Мэри-Скот сдвинула протез и обнажила шрамы от мастэктомии. Резко вздохнув, Дофин высоко поднял нож.

– Господи, Дофин! – воскликнула Мэри-Скот. – Покончи с этим!

Дофин вдавил клинок на пару сантиметров во впалую грудь Мэриэн. Он держал его там, пока не перестал дрожать.

Дофин вынимал нож медленно, словно боясь причинить Мэриэн Сэвидж боль. Лезвие покрылось смесью свернувшихся жидкостей небальзамированного тела. Снова вздрогнув от прикосновения к трупам, он вложил нож в холодные жесткие руки матери.

Сестра Мэри-Скот отшвырнула пустой черный ящик, и он загрохотал по полированному деревянному полу. Она быстро подобрала погребальные одежды и без церемоний бросила крышку гроба на изуродованное тело матери. Затем трижды громко стукнула по крышке. Звук раздавался удручающе пустой.

Священник и органист появились через маленькую боковую дверь. Дофин и Мэри-Скот бросились к задней части церкви и раскрыли огромные деревянные створки, чтобы впустить носильщиков. Шестеро мужчин пробежали по проходу, водрузили гроб на плечи и под аккомпанемент оглушительной постлюдии понесли его на огненное солнце в неистовую майскую жару полудня среды.

Часть I

Мамаши Сэвиджей

Глава 1

Дом, в котором жили Дофин и Ли Сэвидж, был построен в 1906 году; большой, удобный, с просторными комнатами и аккуратными симпатичными деталями на каминах, лепнине, рамах и остеклении. Из окон второго этажа можно было увидеть заднюю часть большого особняка Сэвиджей на бульваре Говернмент. Дом Дофина был второй резиденцией Сэвиджей, предназначенной для младших сыновей и их жен. Патриархи, старшие сыновья и вдовцы получали Большой дом, как его называли. Мэриэн Сэвидж хотела, чтобы новобрачные Дофин и Ли оставались с ней в Большом доме, пока не заведут детей – к младенцам и маленьким детям сердце у нее не лежало, – но Ли вежливо отказалась от этого предложения. Невестка сказала Мэриэн Сэвидж, что ей не терпится поселиться в своем собственном гнездышке, отметив, насколько лучше работает кондиционер в Малом доме.

И, несмотря на полуденную жару в эту среду, когда температура на кладбище поднялась до сорока градусов, застекленное крыльцо на заднем фасаде дома Дофина и Ли было почти до неприятия прохладным. Резкий солнечный свет, заливавший передний фасад дома, здесь затеняли два огромных дуба, которые отделяли задний двор Маленького дома от обширной территории особняка. В этом просторном помещении, заполненном плотно обитой узорным ситцем мебелью, Большая Барбара сняла туфли и чулки. Под ногами ее была холодная плитка, а в скотче – много льда.

Прямо сейчас в доме были только Люкер, Большая Барбара и Индия. Две горничные получили выходной в знак почтения к умершей. Большая Барбара сидела в углу обширного мягкого дивана и пролистывала каталог бытовой техники, загибая страницы так, чтобы Ли не пропустила. Люкер, снявший туфли, растянулся на диване, положив ступни на колени матери. Индия сидела позади дивана за длинным столом на козлах, перерисовывая на миллиметровой бумаге узоры, которые запомнила в церкви.

– Дом кажется таким пустым, – заметил Люкер.

– Потому что кто-то больше не с нами, – ответила мать. – Дома всегда кажутся опустевшими после похорон.

– А где Дофин?

– Дофин отвозит Мэри-Скот обратно в Пенсаколу. Надеемся, что он вернется к ужину. Ли и Одесса хлопочут в церкви. Люкер, послушай...

– Что?

– Я не хочу, чтобы кто-то из вас умер, пока я жива, потому что просто не могу выразить словами, насколько хлопотно устраивать похороны.

Люкер не ответил.

– Большая Барбара? – окликнула Индия бабушку, когда та стучала в стакане последним кубиком льда.

– Что, деточка?

– Здесь всегда на похоронах делают так?

– Как? – не оборачиваясь, беспокойно спросила Большая Барбара.

– Втыкают ножи в мертвецов.

– Я *надеялась*, что ты не обратила на это внимания, – ответила Большая Барбара. – Но, уверяю тебя, это *не* входит в обычные процедуры. Я вообще никогда до этого не видела, чтобы так делали. И мне несказанно жаль, что тебе пришлось за этим наблюдать.

– Меня не очень-то побеспокоило, – пожала плечами Индия. – Она же мертвая была, так ведь?

– Да, – ответила Большая Барбара, глядя на сына в надежде, что он прервет их неуместный диалог. Глаза Люкера были закрыты, и Большая Барбара поняла, что он хотел притвориться спящим. – Но ты еще слишком мала, чтобы знать о таких вещах. Я побывала на первой свадьбе, когда мне было девять, а на похороны меня не пускали до пятнадцати – и это было после урагана «Делия», когда половину людей, которых я знала, подняло в воздух километров на сорок, а телефонные столбы были все утыканы зубочистками. Много похорон было в том месяце, ой много!

– Я видела мертвых раньше, – сказала Индия. – Однажды я шла в школу и увидела в дверном проеме мертвеца. Мы с другом потыкали в него палкой. Пошевелили его ногу, а потом убежали. А еще как-то раз мы с Люкером заказали дим самы в Чайнатауне...

– Что заказали? Это потроха какие-то?

– Мы обедали в Чайнатауне, – упростила Индия, – а потом вышли из ресторана и увидели двух маленьких китаянок, которых переехала водовозка. Так мерзко – их мозги были повсюду. После этого я сказала Люкеру, что больше никогда не буду есть мозги – до сих пор не ем.

– Это ужасно! – воскликнула Большая Барбара. – Эти бедные маленькие девочки – Индия, они что, были близняшками?

Индия не знала.

– Какая жуткая история! – воскликнула Большая Барбара, скидывая ноги Люкера с колен. – Вот такие вещи и происходят в Нью-Йорке. Ты же уже развелся, не понимаю, почему до сих пор там живешь.

– Я люблю Нью-Йорк, – ответил Люкер, не открывая глаза.

– И я, – подхватила Индия.

– Когда ты развелся с... той женщиной, тебе следовало бы вернуться жить домой.

– Ненавижу Алабаму, – ответил Люкер.

Индия промолчала.

– Люкер, – Большая Барбара перешла к своей любимой теме, – самым счастливым в моей жизни был день, когда ты позвонил и сказал, что разводишься. Я рассказала Лоутону. «Лоутон, – говорю, – я...»

– Не начинай, – предупредил Люкер. – Мы все знаем, что ты думаешь о... той женщине.

– Тогда поднимись и налей мне еще скотча. От горя всегда – с самого раннего детства, – от горя у меня всегда пересыхает в горле.

Люкер медленно поднялся.

– Барбара, еще даже не четыре. Ты высосала первый стакан...

– Я просто пыталась добраться до льда, так хотелось пить. На кладбище должен быть фонтанчик. Ума не приложу, почему его нет. Люди хотят пить на похоронах точно так же, как и везде.

Уже из кухни Люкер закричал: «Ты пьяница, Барбара, и с этим пора что-то делать!»

– Как ты с отцом разговариваешь! – Большая Барбара повернулась к Индии. – Ты с ним обращаешься так же плохо, как он со мной?

Индия оторвала красный карандаш от миллиметровки.

– Да.

– Испорченный ты ребенок! – возопила Большая Барбара. – Не знаю, зачем я растрачиваю любовь на вас обоих!

Люкер принес матери напиток.

– Сделал слабенький. Лед да вода. Тебе незачем напиваться, пока не зашло солнце.

– Моя лучшая в мире подруга умерла, – ответила Барбара. – Я ее поминаю.

– Ее и без тебя помянут, – тихо сказал Люкер. Он плюхнулся обратно на диван и снова уронил ноги на колени матери.

– Ровно положи! – скомандовала Большая Барбара. – Чтобы я могла опустить каталог.

Несколько минут стояла тишина. Индия продолжала свою кропотливую работу горсткой цветных карандашей, Люкер, видимо, спал, Большая Барбара потягивала напиток и переворачивала страницы каталога, прислонив его к ногам Люкера.

– Боже святой! – обратилась Большая Барбара к Люкеру и ударила его кулаком по коленям. – Ты видел, Люкер?

– Видел что? – пробормотал он без интереса.

– Тут есть мороженица за семьсот долларов. Ей даже не нужна соль. Может быть, даже молоко и сливки не надо. За такие деньги она должна включаться в розетку и через четыре минуты выдавать полкило вишнево-персиково-ванильного пломбира.

– Я удивлен, что Ли такую не купила.

– Так купила! – ответила Большая Барбара. – Но я-то не знала, что она стоит целых семьсот долларов! На семьсот долларов можно внести первоначальный взнос за дом на колесах!

– Покупать дома на колесах – моветон, Барбара. Мороженицу, по крайней мере, можно спрятать в шкафу. Тем более, у Дофина денег не занимать. А теперь, когда Мэриэн Сэвидж наконец так удачно и изящно откинула копыта, у него их еще прибавится. Они собираются переехать в Большой дом?

– Я не знаю, они еще не решили. И не решат, пока мы не вернемся из Бельдама.

– Барбара, – сказал Люкер, – кому в голову пришла идея поехать всем вместе в Бельдам? Я про то, что Мэриэн Сэвидж умерла в Бельдаме. Ты правда думаешь, что Дофину пойдет на пользу находиться там, где умерла его мать всего три дня назад?

Барбара пожала плечами.

– Ты же не думаешь, что я могла предложить что-то подобное? И Ли тоже нет. Это идея Дофина – Дофина и Одессы. Одесса была там с Мэриэн, конечно же, ведь в те дни Мэриэн настолько ослабла, что не могла даже пройти по коридору без помощи Одессы. И так или иначе, Дофин и Одесса, судя по всему, считают, что нам всем пойдет на пользу съездить туда и выбраться из привычной обстановки. Ты ж помнишь, когда Ботвелл умер там, никто оттуда не уезжал полгода – а в том году было прекрасное лето!

– Ботвелл – это отец Дофина? – спросила Индия.

Барбара кивнула.

– Сколько было Дофину, когда Ботвелл умер, а, Люкер?

– Пять. Шесть. Семь, – ответил Люкер. – Не помню. Я даже не помнил, что он умер в Бельдаме.

– Знаю, – ответила Барбара. – Кто вообще теперь вспоминает бедного старого Ботвелла? Во всяком случае, Мэриэн пробыла там не так уж и долго, чтобы говорить, что все ее страдания пришлось на Бельдам. Они с Одессой провели там не больше полутора дней, когда Мэриэн скончалась. Это очень странно. Она жила в Большом доме почти два года, едва ли выходя из комнаты, спала днями и скулила ночами. А потом однажды встала и сказала, что хочет поехать в Бельдам. Я пыталась ее отговорить, но если Мэриэн что-то взбредет в голову, то это уже не выбить. И она просто встает и уезжает в Бельдам. Дофин хотел с ней поехать, но Мэриэн ему не позволила. Не разрешила даже отвезти. Джонни Ред отвозил ее и Одессу. Не прошло и суток, как патрульный постучал в дверь и сказал Дофину, что Мэриэн скончалась. Просто ужас.

– А от чего она умерла? – спросила Индия.

– От рака, – ответила Большая Барбара. – Он просто пожирал ее. Так странно – она смогла продержаться здесь два года, а потом внезапно умерла, как только добралась до Бельдама.

– Одесса была с ней в момент смерти? – спросил Люкер.

Барбара покачала головой.

– Одесса наверху убиралась или еще что-то, а у Мэриэн на веранде случился инсульт. Когда Одесса спустилась вниз, качели все еще раскачивались, но Мэриэн лежала замертво на паркете. Одесса занесла ее в дом, положила в гамак, отправилась в Гаск и вызвала дорожный патруль. Она пыталась позвонить Дофину, но никого не было дома. Послушай, Люкер, – сказала Большая Барбара чуть тише, – Индия заставила меня задуматься – ты понял, что это за ритуал с ножом?

Люкер повернулся так, чтобы его лицо оказалось зажатым между подушкой и спинкой дивана. Большая Барбара развернула его обратно.

– Да, понял, – ответил он.

– И?

– Дофину и Мэри-Скот было просто очень жаль, что они не успели вонзить нож, пока та была еще жива, и поэтому воспользовались последним шансом.

В углу комнаты, в клетке, подвешенной в двух метрах от пола, сидел большой красный попугай. Он вскрикнул.

Большая Барбара кивнула.

– Видишь. Нэйлз понимает каждое твое слово. Мэриэн любила эту птицу, не смей говорить о Мэриэн гадости при Нэйлзе! Ему это не нравится.

– Что он вообще тут делает?

– Ну, они не могли оставить его в Большом доме, он бы истосковался по Мэриэн за три часа.

– С ней бы и похоронили.

– Я думала, попугаи умеют разговаривать, – сказала Индия.

Нэйлз просунул клюв сквозь прутья клетки и снова закричал.

– Этот прямо сейчас очень точно имитирует Мэриэн Сэвидж, – сказал Люкер.

– Люкер! – воскликнула Большая Барбара, хватая его за пальцы ноги и выкручивая их. – Я не понимаю, почему ты так плохо отзываешься о женщине, которая была моим самым лучшим другом в мире.

– Потому что она была самой отъявленной сукой, что когда-либо ходила по улицам Мобила.

– Тебе не следует использовать такие выражения при тринадцатилетней дочери.

– Она меня не видит, – ответил Люкер, скрытый из поля зрения Индии, – и не знает, кто это сказал.

– Знаю, – сказала Индия, но потом добавила, обратившись к своей бабушке: – Он и похуже говорил. Впрочем, как и я.

– И не сомневаюсь, – вздохнула Большая Барбара.

– Барбара, ты же знаешь, какой она была мегерой, – сказал Люкер. – Бедняга Дофин, она относилась к нему, как к грязи, пока Мэри-Скот была рядом. А потом, когда Мэри-Скот ушла в монастырь, она его с говном сравнивала.

– Ш-ш-ш!

– Ты же знаешь, что это правда, – Люкер пожал плечами. – И так было в течение двухсот лет в этой семье. Все мужчины очень милые и добросердечные, а женщины разгуливают в броне.

– Но из них получаются хорошие жены! – возразила Большая Барбара. – Мэриэн была хорошей женой Ботвеллу, пока тот не ушел в мир иной. Она сделала его счастливым.

– И ему, судя по всему, нравилось быть пригвожденным к стене и избитым велосипедной цепью.

– Как и тебе, – сказала Индия отцу.

Большая Барбара встревоженно повернула голову.

– Индия врет и не краснеет, – спокойно ответил Люкер. – Она ничего не знает о моей половой жизни. Ей всего тринадцать, – сказал он, приподнимаясь, чтобы ухмыльнуться в сторону дочери. – Она даже не знает, что такое трахаться.

– Люкер!

– Ох, Барбара, послушай, пока мои ноги у тебя на коленях, почему бы тебе не размять их? Эти туфли так давят весь день.

Большая Барбара стянула с сына носки и начала массировать ноги.

– Ну, – сказал Люкер, – то, что из Сэвиджей получают хорошие жены, не отменяет того факта, что как матери они не лучше выгребных ям.

– Это не так!

– Барбара, ты не знаешь, о чем говоришь. Почему ты пытаешься защитить мертвую женщину?

– Мэриэн Сэвидж....

– Мамаши Сэвиджей жрут своих детей! – заорал Люкер, и попугай снова вскрикнул.

Глава 2

Большая Барбара, Люкер и Индия провели на застекленной веранде еще час, ожидая возвращения Ли. Люкер спал, все еще разложив ноги на коленях матери, беспокойно поворачиваясь, только когда кричал попугай Нэйлз. Индия принесла бабушке стопку каталогов для просмотра, пока сама вышивала зелеными и фиолетовыми нитями по голубой рубашке. Изумрудные солнечные лучи светили сквозь листья дубов позади дома. Перед одним из окон болтался квадрат свинцового витража, и временами солнце, на мгновение пробиваясь сквозь волнуемую листву, пронзало этот квадрат стекла и окрашивало лицо Индии в золотой, синий и красный.

Наконец приехала Ли: они услышали машину на гравийной подъездной дорожке, услышали хлопки дверей машины, услышали, как внизу открылась дверь в прачечную.

– Было так много работы? – спросила Большая Барбара у дочери, которая прошла через кухню. – Тебя так долго не было.

– Поднимайся, Люкер! – сказала Ли. – Я весь день на ногах.

Люкер, устало пошатываясь, встал с дивана. Ли скинула туфли и заняла его место. Она отцепила вуаль и бросила ее на журнальный столик.

– Мама, держу пари, ты сидела здесь весь день, наминая ему ноги. А теперь немного разомни мои.

– Ты хочешь в чулках или без?

– Ох, пусть остаются. У меня сил нет их сейчас снимать.

– Ты привела Одессу с собой? – спросил Люкер, который теперь сидел за столом и изучал работу дочери на миллиметровке.

– Я здесь, – сказала Одесса из кухни.

– Это то, что заняло у нас так много времени, – сказала Ли. – Мы вернулись в церковь, позаботились там обо всем, хотя, когда всего семеро гостей и только один гроб, дел не так уж и много.

– Что вы сделали с лишними цветами?

– Мы отвезли их в церковь Одессы. Вчера вечером там скончалась старая монахиня, а у семьи ничего не было, поэтому мы перенесли цветы и поставили в церкви.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросила Одесса.

– Чай со льдом, – сказала Ли, – пожалуйста.

– Скотч и много льда, – попросила Большая Барбара.

– Вот этим лучше я займусь, – сказал Люкер Одессе. – Себе сам что-нибудь соображу. Хочешь чего-нибудь, Индия?

Индия, не одобрявшая семейную прислугу, покачала головой на предложение Одессы, но отцу ответила:

– Может, немного хереса...

– У Дофина есть Пунт э Мес², – сказал Люкер.

– О, круто! С кубиком льда.

Большая Барбара обернулась.

– Люкер, этот ребенок пьет?

– С тех пор как мы сняли ее с наркотиков, – ответил Люкер и подмигнул Одессе.

– Но ты слишком мала, чтобы пить! – закричала Большая Барбара на свою внучку.

– А я говорю, нет, – спокойно ответила Индия.

– Но слишком мала, чтобы пить у меня на глазах!

---

² *Punt e Mes* – сладкий вермут.

– Тогда отвернись.

– Так и сделаю, – сказала Барбара и сделала. Она посмотрела на Ли. – Ты представляешь, этот ребенок постоянно видит мертвых людей в Нью-Йорке – прямо на улице. Мертвые на улице, слышала о таком когда-нибудь? Люди умирают в таких местах, где ты их видишь, да еще и можешь палкой потыкать!

– Индия гораздо взрослее, чем я была в ее возрасте, мама, – ответила Ли. – Не думаю, что тебе следует излишне о таком беспокоиться.

– Отец из Люкера просто ужасный, как по мне. Он самый гадкий человек в мире, кого угодно спроси.

– Это поэтому ты любишь его больше, чем меня? – спросила Ли.

Большая Барбара не ответила, а Индия засмеялась.

– Люкер не плохой, – ответила она.

Люкер появился с подносом с напитками. Первым делом он подошел к Индии.

– Смотри, Барбара, – сказал он, – смотри, как хорошо я ее выдрессировал. Что надо сказать, Индия?

Индия встала из-за стола, отвесила поклон и проговорила, давясь от смеха:

– Благодарю вас, отец, за то, что принесли мне бокал Пунт э Мес со льдом.

Индия снова села, но Большую Барбару это не убедило.

– Манеры у нее есть, но что насчет морали?

– О, – беспечно ответил Люкер, – у нас с ней нет никакой морали. Всего лишь парочка угрызений совести.

– Так и думала, – сказала Большая Барбара. – Из вас обоих ничего не выйдет.

Индия повернулась к бабушке.

– Мы отличаемся от тебя, – только и сказала она.

Большая Барбара покачала головой.

– Слышала ли ты когда-нибудь более правдивые слова, Ли?

– Нет, – сказала Ли, случайно пролив половину чая со льдом на свое черное платье. Покачав головой от собственной неуклюжести, она встала и пошла переодеваться. Когда она вернулась через несколько минут, Люкер снова занял свое место на диване; он игриво предложил ей вернуть его обратно.

– Ну что, – сказала Ли, садясь в кресло, стоящее перед всеми, – вы ведь до смерти хотите узнать тайну ножа, так?

– Ты знаешь?! – воскликнула Большая Барбара.

– Одесса рассказала мне на обратном пути в церковь.

– Как вышло, что Одесса знала, а ты нет? – спросил Люкер.

– Потому что это семейный секрет Сэвиджей и нет ничего, что Одесса не знала бы о Сэвиджах.

– Мэриэн Сэвидж мне все рассказывала, – возразила Большая Барбара, – но она никогда ни слова не проронила о втыкании ножей в мертвецов. Я бы такое запомнила.

– Давай поведай нам, – голос Люкера звучал нетерпеливо, несмотря на его расслабленную позу.

– Принеси мне выпить, Люкер, и я расскажу вам то, что услышала от Одессы. И когда вы всё узнаете, не смейте упоминать об этом при Дофине, понятно? Ему не нравилось это делать, он не хотел вонзать нож в грудь Мэриэн.

– Меня надо было попросить! – сказал Люкер.

В клетке закричал Нэйлз.

– Ненавижу эту птицу, – устало сказала Ли.

Люкер ушел за выпивкой, вернулся уже с Одессой.

– Ты хочешь убедиться, что она рассказывает все правильно? – спросил Люкер через плечо, и та кивнула.

Перебирая вверх-вниз костлявыми черными пальцами по стакану с чаем, Одесса уселась в дальнем углу стола, где Индия вплотную склонилась над блокнотом с миллиметровой бумагой.

Ли оглядела всех с серьезным выражением лица.

– Одесса, ты же прервешь меня, если я скажу что-нибудь неправильно, да?

– Да, мэм, разумеется, – ответила Одесса, закрепив сделку глотком чая.

– Что ж, – начала Ли, – мы все знаем, как давно Сэвиджи живут в Мобиле...

– С тех самых пор, как появился Мобил, – подхватила Большая Барбара. – Они были французами. Французы первые сюда пришли – после испанцев. Первоначально они звались Соваж. – Это маленькое отступление было сделано для Индии, которая закивала над своим альбомом.

– Так вот, примерно в то время – примерно двести пятьдесят лет назад – Мобилом управляли французы, и Сэвиджи уже тогда имели вес. Губернатором всей французской области был Сэвидж, и у него была дочь, не знаю ее имени, может, ты знаешь, Одесса?

Одесса покачала головой.

– Итак, эта дочь умерла при родах. Ребенок тоже умер, и их похоронили в семейном мавзолее. Не в этом, в котором мы сегодня хоронили Мэриэн, тот был до него, и его больше нет. В общем, на следующий год умер ее муж, и они снова открыли мавзолей.

Она сделала паузу.

– И вы знаете, что там нашли? – подсказала Одесса.

Никто не имел ни малейшего представления.

– Оказалось, что они похоронили эту девушку заживо, – сказала Ли. – Она очнулась в гробу, сдвинула крышку и кричала, и кричала, но никто не слышал, и она ссадила себе руки, пытаясь открыть дверь, но так и не смогла, а еще ей нечего было есть, так что она съела своего мертвого ребенка. А когда она ела ребенка, складывала его кости в углу и затем накрыла их его одеждой. А потом умерла от голода, вот что нашли, когда открыли мавзолей.

– Этого бы не случилось, если бы ее забальзамировали, – сказала Большая Барбара. – Часто люди чернеют за минуту на столе для бальзамирования, и это значит, что в них осталось немного жизни, но после того, как входит жидкость для бальзамирования, никто уже не просыпается. Кто бы ни был рядом, когда я умру, прошу, позаботьтесь о том, чтобы меня забальзамировали.

– Не думаю, что это конец истории, Барбара, – упрекнул ее Люкер за вмешательство.

– Ну, – сказала Большая Барбара в свою защиту, – история и так ужасающая, не знаю, что еще может случиться.

– Так вот, когда обнаружили мертвую женщину и кучку костей на полу мавзолея, все были так расстроены, что решили сделать все, чтобы в будущем такого не допустить. С тех пор на каждом похоронах глава семьи вонзает нож в сердце покойного, чтобы удостовериться, что тот точно умер. Они всегда проделывали это во время службы, чтобы все видели и больше не волновались, что мертвец очнется в мавзолее. Идея была не такая уж и плохая, если учесть, что в те времена, скорее всего, не знали о жидкости для бальзамирования.

Индия оторвалась от миллиметровки и внимательно слушала Ли. Однако ее карандаш увлеченно скользил по странице, и время от времени она смотрела вниз и как будто удивлялась картине, которая там вырисовывалась.

– С тех пор каждый, кто рождался в семье Сэвиджей, получал на крещение нож, и этот нож оставался с ним до конца жизни. После смерти этот нож вонзали в грудь, а затем клали ему в гроб.

– А потом это стало ритуалом, – сказал Люкер. – Я про то, что Дофин ведь не вонзил нож полностью, да? Он просто чуть-чуть ее надрезал.

– Правильно, – подтвердила Одесса, – но и это еще не все.

– Не могу поверить, что это не конец! – воскликнула Большая Барбара.

– Незадолго до Гражданской войны, – продолжила Ли, – жила-была девушка, которая вышла замуж за Сэвиджа, и у них родилось двое детей, девочки, а третий ребенок был бы мальчиком, но умер при рождении. И его мать умерла следом за ним. Их хоронили вместе в одном гробу, прямо как в первый раз.

– Они и в младенца нож воткнули? – спросила Индия. Ее карандаш выводил в блокноте штриховку, но хозяйка не обращала на него внимания.

– Да, – сказала Одесса.

– Да, – подтвердила Ли, – разумеется. Отец мальчика сначала воткнул нож в ребенка, а затем вытащил – должно быть, было ужасно даже осознавать, что это придется сделать. Церковь была полна, и отец вынул нож из маленького ребенка. Он плакал, но собрался, поднял кинжал высоко и опустил в грудь своей жены...

– И? – подтолкнул Люкер, когда она остановилась.

– И она с криком очнулась, – тихо сказала Ли. – Она очнулась от входящего в нее ножа. Кровь брызнула во все стороны, залила похоронные одежды, ребенка и мужа. Она схватила его за шею и притянула к себе в гроб, а затем гроб перевернулся, и все трое выкатились в проход. Она сжала руки у него на шее и так и умерла. Потом у них были настоящие похороны...

– А что случилось с мужем? – полюбопытствовала Индия.

– Женился второй раз, – сказала Ли. – Это был прапрадедущка Дофина, и именно он построил Бельдам.

Большая Барбара начала рыдать, не только под влиянием истории, но и из-за уходящего дня, выпитого скотча и растущего чувства потери. Люкер, заметивший это, в утешение разминал бедра матери ступнями ног.

– Так вот почему они теперь больше не втыкают нож до конца? – тихо спросил Люкер.

– Верно, – сказала Одесса.

– Они всего-навсего касаются груди острием – это символическая часть, – продолжила Ли. – Но мертвецу вкладывают нож в руки, и это уже не часть ритуала. Предполагается, что если кто-то очнется в гробу, то сможет убить себя ножом.

– А Мэриэн Сэвидж не забальзамировали? – спросил Люкер?

– Нет, – ответила Барбара, – Ботвелла не бальзамировали, и она сказала, что тоже не хочет.

– Что ж, – прагматично заметил Люкер, – если бы всех Сэвиджей просто бальзамировали, не пришлось бы беспокоиться о ноже.

– Ты теперь Сэвидж, – обратилась Индия к Ли. – А у тебя есть нож?

– Нет, – ответила Ли удивленно, потому что раньше об этом не думала. – У меня нет, я не знаю, что они сделают...

– Мэм, – сказала Одесса, – у вас есть нож.

Ли подняла голову.

– Правда? И где он, Одесса, я не знаю...

– Миз Сэвидж подарила его вам на свадьбу, но мистер Дофин не хотел, чтобы вы видели. Он спрятал его. Он знает, где искать, и я знаю, где искать. Могу показать вам, если хотите посмотреть.

Она направилась за ножом.

– Нет, – закричала Большая Барбара, – оставь это, Одесса.

Одесса села.

– Как-то жутко, – сказала Ли, чуть вздрогнув. – Я не знаю, я...

– Я не хочу, чтобы они это сделали с тобой, – сказала Большая Барбара.

– Она теперь Сэвидж, Большая Барбара, – заметила Индия. – Так нужно сделать – я имею в виду, когда она умрет.

Карандаш Индии молнией перемещался по листку под большим углом. Она все еще не видела того, что нарисовала.

– Нет! – закричала Большая Барбара. – Дофин не вонзит в тебя нож, он...

– Барбара, – сказал Люкер, – не заводись. Если она мертва, ей это не навредит. Ли еще не мертва, да и к тому же ты вряд ли будешь рядом, когда это случится.

– Мне все равно не нравится.

– Что ты, мама, не беспокойся об этом. Я просто хотела, чтобы вы все узнали о ноже, чтобы потом не спрашивали Дофина, когда он придет. Он был к нам очень добр уже тем, что позволил присутствовать на службе. Похороны в семье Сэвиджей всегда были полностью приватными из-за ножей, но он показал, как сильно нам доверяет. Он знал, что мы не будем распространять по всему белу свету, что Мэри-Скот воткнула кинжал в грудь Мэриэн после смерти...

– Конечно, не будем! – закричала Большая Барбара и пролила последний растаявший лед.

– Дофин знает, что мы знаем? – спросил Люкер.

– Он попросил меня рассказать миз Ли, чтобы она могла рассказать вам всем, – ответила Одесса, – так что да, он знает.

– Хорошо, – сказал Люкер, пристально глядя на мать, – тогда мы больше никогда об этом не упомянем. Дофин – милейший человек на земле, и никто из нас не скажет ничего, что могло бы даже самую малость поставить его в неловкое положение, да, Барбара?

– Само собой!

– Я пошла готовить ужин на всех, – сказала Одесса и отправилась на кухню.

Ли с матерью пошли в спальню, чтобы поискать для Большой Барбары наряд поудобнее. Близость матери и дочери МакКрэй держалась главным образом на том, что они помогали друг другу одеваться и раздеваться.

Люкер ушел на кухню наполнить стаканы себе и Индии. Когда он вернулся, то сел на скамейку рядом с дочерью и сказал:

– Дай посмотреть, что ты нарисовала.

Она удержала рисунок.

– Это не я, – сказала Индия.

– В смысле?

– То есть это не я рисовала, я просто держала карандаш.

Люкер тупо посмотрел на нее.

– Показывай рисунок.

Она передала ему лист.

– Я даже не смотрела. Я что-то рисовала, но потом остановилась, чтобы послушать историю, а карандаш продолжал двигаться. Посмотри, – она указала на несколько отдельных линий, – вот тут я начала рисовать, но теперь все перекрыто.

– Это не твой стиль, – с любопытством заметил Люкер.

Рисунок был выполнен красным карандашом на обратной стороне листа миллиметровой бумаги – до странного академическое построение, портрет полной дамы с угрюмым лицом, скованно сидящей в кресле, едва различимом за ее пышными формами. На ней было платье с тугим корсажем и невероятно широкая юбка. Она вытянула руки перед собой.

– Что у нее в руках, Индия?

– Это не я рисовала, – сказала Индия. – Думаю, это куклы. Такие уродливые! Как будто восковые фигуры, забытые на солнце – расплывшиеся и деформированные. Помнишь в музее Нью-Йорка этих ужасных немецких кукол, которые были срисованы с настоящих детей, – ты

сказал, это самое уродливое, что ты когда-либо видел? Наверное, это они и есть – наверное, я вспоминала их, когда...

– Когда что?

– Когда рисовала это, – озадаченно проговорила она. – Только вот не я рисовала – оно нарисовалось само.

Индия покачала головой и сделала глоток хереса.

– Это платье на женщине, Индия, какой оно эпохи?

– Эм... – она засомневалась. – 1920-е?

– Холодно, – сказал Люкер, – такое носили примерно в 1875-м. Собственно говоря, это именно 1875-й, ты правда не знала?

– Нет, – ответила Индия. – Я просто сидела, слушала историю Ли, а рисунок получился сам собой, – она взглянула на лист с отвращением. – И мне он не нравится.

– Да, – сказал Люкер, – мне тоже.

Глава 3

В тот вечер, когда Дофин вернулся после того, как отвез Мэри-Скот в монастырь в Пенсаколу, никто не заговорил о похоронах или ноже, и Ли спрятала пачку извлеченных из почтового ящика писем с соболезнованиями. Ужин прошел достаточно тихо, и, хотя все, кроме Дофина, переоделись, у всех было ощущение, будто их накрахмалили и прижали к стульям. Даже Дофин выпил слишком много вина и просил вернуть третью бутылку, когда Одесса с неодобрением унесла ее. За ужином они решили покинуть Мобил на следующий день: выбирали, чьи машины взять на побережье, кто пойдет за покупками, в какое время выехать, что делать с почтой, делами и Лоутоном МакКрэем. Смерть Мэриэн Сэвидж была изначальной причиной поездки, но о ней не говорили. Большой дом находился так близко, и главная спальня, из которой умирающая женщина почти не выходила два года из-за болезни, теперь, казалось, дрожала от непривычной пустоты всю ночь.

За столом Дофин то и дело наклонялся в сторону, чтобы разглядеть видимое только из столовой окно материнской спальни – как будто ожидая или опасаясь увидеть свет, горевший в этой комнате каждый ужин с тех пор, как они с Ли вернулись после медового месяца.

Они засиделись за десертом и кофе, и ужин уже порядком затянулся, когда наконец начали вставать из-за стола. Ли сразу пошла спать, а Большая Барбара отправилась на кухню помогать Одессе загрузить посудомоечную машину. Проследовав за отцом и Дофином на веранду, Индия растянулась на диване, положив голову Люкеру на колени, и заснула, не потревожив блюдце и чашку остывающего кофе, стоявшую у нее на животе.

Немного позже в дверях кухни появилась Большая Барбара и устало сказала:

– Дофин, Люкер, я отвезу Одессу домой, а потом вернусь. Увидимся рано утром.

– Большая Барбара, – сказал Дофин, – давай лучше я отвезу Одессу. Ты остаешься здесь с Люкером, остаешься на всю ночь. Тебе нет причин ехать.

– Увидимся с вами обоими утром ни свет ни заря, – ответила Большая Барбара. – Подозреваю, что Лоутон уже дома, и он захочет послушать, – она избегала упоминать о похоронах, – он захочет рассказать, как у него прошел день.

– Ладно, – сказал Дофин, – точно не хочешь, чтобы я тебя отвез?

– Точно, – ответила Большая Барбара. – Люкер, твой отец не отказался бы повидаться с тобой и Индией перед тем, как мы уедем завтра в Бельдам. Что ему передать?

– Скажи, что я заеду утром, перед тем, как мы начнем собираться.

– Он сказал, что хочет с тобой кое о чем поговорить.

– Наверное, хочет, чтобы я сменил фамилию, – тихо сказал Люкер Дофину и погладил Индию по волосам. – Доброй ночи, Барбара, – продолжил он громко, – увидимся утром.

Индия спала, а двое мужчин сидели молча. Ночь за окнами была совершенно черная. Облака затмили луну и звезды, листва затушевывала уличные фонари. Как-то, по одной только степени кондиционирования воздуха в доме, они понимали, что снаружи все еще тепло и неприятно влажно. В углу, вдали от кресла Дофина, горела единственная лампа. Люкер осторожно извлек блюдце из пальцев Индии и убрал его на журнальный столик; кивнув, он принял портвейн, принесенный зятем.

– Я рад, что ты решил приехать, Люкер, – тихо сказал Дофин, садясь.

– Время непростое, я понимаю.

Дофин кивнул.

– Мама болела около двух лет, но последние восемь месяцев она по-настоящему умирала. Это было заметно. Ей становилось все хуже и хуже с каждым днем. Кто знает, сколько бы она продержалась, если бы не поехала в Бельдам. Я хотел сказать ей «нет»... я даже сказал ей «нет», но она все равно поехала. И это ее убило.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось это пережить, – сказал Люкер. Его симпатия к Дофину не распространялась на выдумывание лицемерных добрых речей в адрес мертвой женщины, и он знал, что Дофин от него этого и не ждет. – Но ты уверен, что поехать в Бельдам прямо сейчас – лучшее решение? Сейчас нужно разобраться с сотней вещей – завешание и все такое. А когда на кону столько денег, столько денег и недвижимости, работы предстоит много – и ты единственный, кто может со всем разобраться.

– Я знал, что это произойдет, – Дофин пожал плечами. – И уже сделал все необходимое. Я знаю, что в завешании, и все прочтут его через пару недель – вернусь к этому моменту. Но ты прав, еще много нужно сделать.

– Даже если ты уже обо всем позаботился, уверен ли, что уехать в отпуск – правильное решение? Видит Бог, в Бельдаме делать нечего – чем ты займешься, будешь сидеть целыми днями и думать о Мэриэн? Не лучше ли остаться здесь, заниматься какими-нибудь ежедневными делами, привыкать к тому, что Большой дом опустел? Привыкать к тому, что Мэриэн больше нет рядом?

– Возможно, – согласился Дофин, – но, Люкер, говорю тебе, я варился в этом два года, а мама никогда не была приветливейшим человеком, даже когда не болела. Так ужасно – из нас, троих детей, больше всего она любила Дарнли, но однажды Дарнли отправился в плавание и больше не вернулся. Знаешь, мама всегда искала парус Дарнли, когда вода появлялась в поле зрения. Не думаю, что она смогла избавиться от ощущения, что однажды он просто пришвартуется на пляже Бельдама и скажет: «Здорово, когда там ужин?» А после Дарнли она любила Мэри-Скот. А потом Мэри-Скот ушла в монастырь – ты помнишь, как сильно они из-за этого ссорились. И остался только я, но мама никогда не любила меня так, как Дарнли и Мэри-Скот. Нет, я не жалею. Мама не могла выбирать, кого любить. Но я всегда жалел о том, что никто из них не остался присматривать за ней. Ухаживать за мамой нелегко, но я сделал все, что мог. Думаю, мне было бы намного лучше, если бы она умерла в Большом доме, а не в Бельдаме. Люди говорят, что мне не следовало отпускать ее туда, но хотел бы я посмотреть на тех, кто попытался бы помешать маме сделать то, что она вбила себе в голову! Одесса говорит, что ничего нельзя было поделать – пришел мамин черед умирать, и она просто выскочила из качелей на веранду, и на этом все. Люкер, мне нужно развеяться, и я рад, что мы все вместе едем в Бельдам. Я не хотел тащить с собой только Ли, совсем одну, – я знаю, что действовал бы на нервы, если бы мы были в одиночестве, поэтому попросил Большую Барбару поехать с нами, но не был уверен, что она согласится, учитывая кампанию Лоутона...

– Погоди-ка, – сказал Люкер, – позволь мне кое-что спросить...

– Что?

– Ты даешь Лоутону деньги на кампанию?

– Чуть-чуть, – ответил Дофин.

– Чуть-чуть – это сколько? Больше десяти тысяч?

– Да.

– Больше пятидесяти?

– Нет.

– Всё равно ты дурак, Дофин.

– Не понимаю, почему ты так говоришь, – сказал Дофин без обиды. – Он баллотируется в Конгресс и сможет воспользоваться деньгами. Я вовсе не выкидываю их на ветер. Лоутон еще никогда не проигрывал кампании. Он стал членом городского совета с первого раза, потом представителем штата с первого раза, а сенатором штата... не вижу причин не верить в то, что он попадет в Белый дом в следующем году. Это не Ли попросила дать ему денег, и не Большая Барбара. Даже Лоутон не просил. Это была моя идея, и я ни капли не жалею, что пожертвовал ему деньги, что бы ты там ни говорил.

– Что ж, надеюсь, ты хотя бы получаешь с этого большие вычеты.

Дофин неловко поерзал.

– В некоторых случаях да, – в части, которая регулируется законами о кампании. Нужно быть осторожным.

– Ты хочешь сказать, что даешь ему больше, чем разрешено законом?

Дофин кивнул.

– Все не так просто. На самом деле Ли дает ему деньги. Я отдаю ей, она передает Большой Барбаре, а Большая Барбара зачисляет на общий счет, и Лоутон снимает. Они очень щепетильно относятся к фондам кампании. На самом деле я не делаю вычетов на сумму больше, чем несколько тысяч. Но, – он улыбнулся, – я счастлив, что так поступаю. Было бы неплохо иметь тестя в Конгрессе. Разве ты не будешь с гордостью рассказывать друзьям, что твой отец состоит в Палате представителей?

– Карьера Лоутона никогда не была для меня источником особой гордости, – сухо ответил Люкер. – Как жаль, что я не родился с твоими деньгами. Меня бы не поймали на перечислении средств на кампанию Лоутона МакКрэя.

Он взял Индию на руки и отнес в ближайшую из двух отведенных им смежных спален. Вернувшись, Люкер обнаружил, как Дофин накрывает клетку Нэйлза.

– Ты еще не хочешь идти спать, верно? – спросил Люкер.

– Но мне нужно, – сказал Дофин. – Сегодня был долгий день, тяжелый день. Завтра тоже будет долгим, мне уже надо быть в постели, но я здесь. Останься и поговори со мной, если хочешь. Ты не часто бываешь здесь, Люкер.

– Почему бы тебе с Ли не приехать ко мне в Нью-Йорк? Я могу вас принять – или снимете отель. Ли смогла бы почувствовать, что значит делать покупки в настоящих магазинах, а не из каталога.

– Уверен, ей бы понравилось, – мягко сказал Дофин. – Я бы приехал к тебе, но мама...

Люкер кивнул.

– Если бы мама не была такой занозой, – закончил Дофин смелее. – Мы не могли просто так уехать. Я предлагал Ли поехать повидаться с тобой, но она решила остаться со мной. Ей и не нужно было, но я был рад, что она осталась. Ли очень сильно помогала, хотя всегда приговаривала, что просто мешает и что маму терпеть не может...

Люкер любезно позволил Дофину продолжить, рассказать о Мэриэн Сэвидж, о ее болезни, о ее смерти. Скорбящий сын описал подробности ухудшения состояния матери, но ни разу не упомянул о своих чувствах. Люкер подозревал, что Дофин в своей скромной манере считал, что они не имели никакого значения в свете ужасающего, ошеломляющего факта смерти. Но искренняя любовь Дофина к своей жестокосердной, неуступчивой матери невидимым шлейфом тянулась за каждой произнесенной им фразой.

Ночью дом затих. Скрипы раздавались в коридорах, словно шаги заблудших, окна потрескивали в рамах, фарфор побрякивал в шкафах, картины на стенах внезапно покосились набок. В это время двое мужчин пили портвейн, Дофин говорил, а Люкер слушал. Последний очень хорошо понимал, что у Дофина больше не было друзей-мужчин, одни деловые партнеры, и те подхалимы, которые заводили с ним дружбу из-за денег или привилегированного положения. Люкер любил Дофина и знал, что помочь тому могла только возможность выговориться. У бедняги не было никого, кому он мог бы излить душу, и, хотя он доверял и любил и Ли, и Большую Барбару, застенчивость Дофина не могла противостоять их сокрушительной болтливости.

К половине третьего Дофин истощил запас горя, накопившийся за этот ужасный день, хотя Люкер был уверен, что он полностью возобновится за завтрашний и все последующие дни. Люкер перевел разговор на менее печальные темы: ход избирательной кампании Лоутона МакКрэя, вероятность появления москитов в Бельдаме и недавняя фото-командировка Люкера в

Коста-Рику. Вскоре стало ясно, что им пора отправляться спать: Люкер уже свернулся в углу дивана и игрался с пустым липким стаканом.

– Еще? – спросил Дофин, подняв свой.

– Лучше убери, – сказал Люкер. Дофин отнес оба стакана в темную кухню, а Люкер закрыл глаза, ожидая прихода зятя – он надеялся, что Дофин поймет: пора ко сну.

– Что это? – спросил Дофин таким тоном, что Люкер моментально открыл глаза. Дофин стоял у длинного стола, держа в руках стопку миллиметровок и наклоняя их к свету.

– Это Индия рисовала днем, незадолго до твоего возвращения из Пенсаколы. Так странно, она...

– Почему она это нарисовала? – спросил Дофин с заметной – хоть и необъяснимой – болью.

– Не знаю, – растерянно ответил Люкер. – Она рисовала это, когда...

– Когда что?

– Когда Ли рассказывала нам историю.

– Какую?

– Которую ей рассказала Одесса, – уклончиво ответил Люкер. Дофин понимающе кивнул. – И она сказала, что это не ее рисунок, сказала, что карандаш сам нарисовал. Совсем странно то, что это совсем не похоже на стиль Индии. Она никогда не рисует ничего настолько детального. Я сам видел – Индия рисовала в блокноте, карандаш двигался с запредельной скоростью, а она даже не смотрела. Я думал, она просто рисует каракули. Если бы я не знал Индию, сказал бы, что она лжет, что это кто-то другой нарисовал, а она просто черкала на другой странице...

Дофин быстро перелистал оставшиеся листы.

– Все остальные страницы пустые.

– Я знаю. Рисовала она, но я правда не думаю, что осознанно. Взять тех же кукол...

– Это не куклы, – сказал Дофин с какой-то резкостью.

– Они похожи на кукол, даже ирландские младенцы не такие уродливые, я...

– Послушай, – сказал Дофин, – почему бы тебе не пойти готовиться ко сну? Возьми, – он передал рисунок Люкеру, – и я буду в твоей комнате через пять минут.

Много позже Люкер сидел на краю кровати рядом с рисунком Индии. Он рассматривал портрет угрюмой полной женщины, держащей двух кукол – которые, по мнению Дофина, вовсе не куклы – на массивных ладонях вытянутых рук.

Все в том же костюме с похорон и все еще с черной повязкой на руке, Дофин вошел в комнату. Из нагрудного кармана он вынул маленькую фотографию на жестком картоне и протянул Люкеру.

Это была карточка размером с визитку, которую Люкер, сведущий в истории фотографии, инстинктивно датировал Гражданской войной³ или, может быть, годом позже. Он внимательно изучил обратную сторону, логотип и информацию о фотографе, прежде чем позволил смыслу изображения проникнуть в его разум.

На снимке, выцветшем, но все еще четком, была изображена огромная полная женщина с завитой гривой волос, в платье с кринолином и широкой черной каймой на юбке и рукавах. Дама сидела в кресле, незаметном за ее громадным телом. В вытянутых руках она держала два комочка деформированной плоти, которые были отнюдь не куклами.

– Это моя прапрабабушка, – сказал Дофин. – Младенцы были близнецами, родились мертвыми. Она сделала эту фотографию перед их похоронами. Оба мальчика, их звали Дарнли и Дофин.

– Зачем ей фотографировать мертворожденных детей? – спросил Люкер.

---

³ Гражданская война в США (Война Севера и Юга), 1861–1865 гг.

– Как только появилась возможность фотографировать, Сэвиджи начали делать фото трупов. У меня там их целая коробка. Младенцы похоронены на кладбище, и, я полагаю, если тогда ценились надгробия, то точно так же ценились и фотографии.

Люкер перевернул фотографию и снова совершенно бездумно изучил обратную сторону.

– Должно быть, Индия ее видела... – наконец сказал он, лежа в кровати в полный рост и держа перед лицом фотокарточку на расстоянии вытянутой руки. Он повернул ее так, чтобы отражаемый свет заслонял изображение.

Дофин забрал фотографию.

– Нет, она не могла. Старые семейные фотографии хранятся в закрытом шкафу для документов у меня в кабинете. Мне пришлось открыть его ключом, чтобы достать.

– Может быть, кто-то ей рассказал, – настаивал Люкер.

– Никто не знает об этой фотографии, никто, кроме меня и Одессы. Я сам не видел ее много лет. Просто вспомнил, потому что раньше из-за нее мне снились кошмары. В детстве мы с Дарнли вынимали все фотографии мертвых Сэвиджей и рассматривали их, и эта пугала меня больше всех. Это моя прапрабабушка, и она была первой, кто жил в доме в Бельдаме. А фотография и рисунок, который нарисовала Индия, так похожи.

– Не совсем, – сказал Люкер. – Платья разные. Наряд на фотографии явно относится к более раннему периоду, чем тот, что нарисовала Индия. Фотография сделана примерно в 1865 году, а рисунок Индии – на десять лет позже.

– Откуда ты знаешь?

Люкер пожал плечами.

– Я знаю кое-что об американском костюме, вот и все, и это очевидно. Если бы Индия просто копировала фотографию, она бы и платье скопировала. Она не могла сама придумать другое платье, которое вошло в моду через десять лет, – Индия, к моему сожалению, ничего не знает об истории моды.

– Но что это значит, почему платья разные? – недоуменно спросил Дофин.

– Понятия не имею, – ответил Люкер, – я ничего не понимаю.

Люкер оставил рисунок Индии и пообещал Дофину, что на следующий день тщательнее ее расспросит – что это могло значить, никто из них не понимал. Люкер выразил надежду, что это портвейн сбивает их с толку, а утром загадка разрешится каким-нибудь простым и благополучным образом.

Дофин отнес фотокарточку в кабинет и поместил в шкатулку с фотографиями трупов всех Сэвиджей, умерших за последние сто тридцать лет. Через неделю к ним добавится и его мать, так как фотограф посетил церковь Святого Иуды Фаддея за час до похорон. Он повернул ключ в замке шкатулки и спрятал его в другом ящичке шкафа для документов. Задумчиво и медленно Дофин прошел через темные коридоры дома обратно на застекленную веранду. Он выключил свет, но затем, в темноте и легком опьянении, ударился головой о клетку с попугаем.

– Ой, – прошептал он, – прости, Нэйлз, ты в порядке?

Дофин улыбнулся, вспомнив, с какой любовью мать относилась к крикливой птице, несмотря на разочаровывающую бессловесность той. Он поднял чехол и заглянул внутрь.

Попугай взмахнул переливающимися кроваво-красными крыльями и просунул клюв между прутьев. Его плоский черный глаз отражал свет, которого не было в комнате. Впервые за восемь лет жизни попугай заговорил. Холодно подражая голосу Люкера МакКрэя, попугай закричал:

– Мамаши Сэвиджей жрут своих детей!

Глава 4

Так как следующее утро было потрачено на подготовку к поездке в Бельдам, о настоявшем совпадении вековой фотографии и бессознательного рисунка Индии позабыли. Дневной свет не принес решения, но даровал безразличие.

Прибыв в Алабаму лишь накануне, Люкер и Индия даже не распаковывали вещи, поэтому им не составило труда подготовиться к следующему путешествию. А Одессе было почти нечего брать с собой: Ли привезла ее в Малый дом с одним плетеным чемоданчиком. Но Дофина ожидали неизбежные ранние звонки, и это замедлило последующие дела, так что Ли и Большой Барбаре пришлось какое-то время бегать по друзьям, прощаться, возвращать взятые займы вещи и умолять, чтобы некоторые мелкие, но важные дела были решены в их, возможно, продолжительное отсутствие. Ли не могла поверить, что Мэриэн Сэвидж умерла всего четыре дня назад. Иногда во время визитов ее осаживали, напоминая, что она должна горевать, и та отвечала, что да, поэтому им просто необходимо сбежать от всего этого ненадолго, а куда еще поехать, кроме как в Бельдам, место настолько удаленное, что с таким же успехом можно оказаться на краю света?

Индия разбудила Люкера в девять, пошла на кухню и приготовила кофе – слугам в этом она не доверяла, – отнесла в комнату и опять его разбудила.

– О боже, – прошептал он, – спасибо.

Люкер отхлебнул кофе, отставил чашку в сторону, встал и несколько минут, спотыкаясь, бродил по комнате голым.

– Если хочешь в ванную, – сказала Индия, сидя в глубоком кресле с кофе, аккуратно поставленным на узкий подлокотник, – она там, – и указала в сторону.

Когда Люкер вернулся, Индия разложила его одежду.

– Мы сегодня увидимся с твоим отцом? – спросила она. Индия предпочитала не называть этого человека ни по христианскому имени, ни по тошнотворному, обременительному обращению «дедушка».

– Да, – ответил Люкер. – Ты сильно против?

– Даже если бы и была, нам все равно пришлось бы идти, правильно?

– Пожалуй, я мог бы сказать ему, что ты блюешь кровью или что-нибудь такое, а ты оставайся в машине.

– Все в порядке, – сказала Индия, – я пойду и поговорю с ним, если ты пообещаешь, что мы не задержимся надолго.

– Конечно нет, – сказал Люкер, застегивая джинсы.

– Если его изберут в Конгресс, Большая Барбара поедет в Вашингтон? Тогда она была бы намного ближе к нам.

– Не знаю, – сказал Люкер, – зависит от обстоятельств. Ты правда хочешь, чтобы она была ближе к нам? – Люкер расстегнул джинсы, чтобы заправить рубашку.

– Да, – ответила Индия, – я вообще-то очень люблю Большую Барбару.

– Ну, – ответил Люкер, – маленькие девочки должны любить своих бабушек.

Индия кисло отвернулась.

– От каких обстоятельств?

– От того, насколько у Большой Барбары ладятся дела. От того, насколько они с Лоутоном ладят друг с другом.

– Большая Барбара – алкоголичка, да?

– Да, – ответил Люкер. – И, к сожалению, метадона⁴ для алкашей нет.

---

⁴ Метадон – лекарственный препарат, применяемый при лечении наркотической зависимости.

Через несколько минут позвонила Большая Барбара и сообщила, что рано утром Лоутон уехал на ферму. Если они не поймут его там в ближайшие пару часов, то придется ждать до середины дня, когда тот вернется с обеденной речи перед матерями Радужных девушек⁵. Затем тщательно продуманный прошлой ночью план был забракован, и Индия с Люкером, не желая откладывать тягостный визит, отправились на ферму. Одесса, набив багажник многочисленными ящиками с едой для Бельдама, поехала с ними. Они сели в «Форд Фэйрлэйн», купленный Дофином примерно год назад исключительно для гостей и знакомых, которые, по той или иной причине, временно оказались без транспорта.

Алабамская «ручка кастрюли», состоящая только из округов Мобил и Болдуин, по форме скорее напоминает зуб после сильного абсцесса. Бухта Мобил представляет собой крупный кариозный дефект, разделяющий половины, которые на северных оконечностях округа еще больше разделены сложной системой извилистых рек и болот.

Земли МакКрэев расположились вдоль реки Фиш примерно в тридцати километрах от Мобила, но на другой стороне бухты Мобил, в округе Болдуин. Плодородные суглинистые равнины, идеально подходящие для скотоводства, выращивания фруктовых деревьев и практически любых товарных культур, какие только ни посадишь. В дополнение к сельскохозяйственной деятельности, которая полностью велась семьей фермеров по фамилии Дуайт, освобожденной Лоутоном МакКрэем от банкротства, МакКрэй владел предприятием по поставке удобрений, расположенным в соседнем едва приметном городе Белфорест. Несмотря на недавнее резкое повышение цен на фосфор, производство удобрений продолжало приносить МакКрэям большие деньги.

Концерн находился на расчищенном участке площадью около ста квадратных метров, рядом с железной дорогой, но поезд больше не останавливался в Белфоресте. Там было три больших складских помещения, парочка старых амбаров, переоборудованных для тех же целей, и мощеная площадка, на которой расположилось множество грузовиков, прицепов и распылителей удобрений. С краю примостился офис – маленькое невысокое здание из бетонных блоков с сине-зелеными стенами и грязными окнами. К опоре провисающего крыльца была привязана лающая дворняга. Люкер проехал бы мимо этого места прямо на ферму, если бы не заметил розовый «Линкольн Континенталь», припаркованный возле офиса. Когда Люкер опустил стекло, они услышали злобные крики Лоутона МакКрэя, спорившего в офисе с обедневшим родственником, который вел для него дела довольно прибыльно. Как только Люкер вылез из «Фэйрлэйна», отец заметил его через заляпанное грязью окно. Лоутон МакКрэй вышел поприветствовать сына. Крупный мужчина с красивыми белыми волосами, но избытком лишней плоти – в виде отвисших щек, большого носа и нескольких подбородков – таких, что хватило бы еще на одно лицо. Костюм на нем – дорогой, плохо сидящий, нуждающийся в небольшой чистке. Лоутон обнялся с Люкером для вида, а затем рванул вокруг «Фэйрлэйна» и резко постучал в окно, через которое на него недоверчиво смотрела единственная внучка. Индия нерешительно опустила стекло и сжалась, когда Лоутон МакКрэй просунул голову и плечи, чтобы поцеловать ее.

– Ты как, Индия? – проревел дед.

Его рот растянулся, а глаза пугающе сузились. Индия не знала, нравится ли он ей меньше как родственник или как политик.

– Очень хорошо, спасибо – ответила она.

– Одесса, – выкрутив громадную голову на массивной шее, он крикнул в сторону заднего сиденья, – а ты как?

⁵ Международный орден «Радуга» для девушек – масонская молодежная организация для девушек 10–20 лет. Орден готовит девушек к ответственной взрослой жизни, развивает лидерские качества, поощряет бескорыстность, командную работу, волонтерство. (По материалам официального сайта организации <https://www.gorainbow.org/what-is-rainbow>)

– Хорошо, мистер Лоутон.

– Одесса, – спросил он, – ты видела когда-нибудь настолько красивую девчущку, как наша?

– Никогда, – спокойно ответила Одесса.

– И я тоже! С этой девчущкой нужно считаться. Моя единственная внучка, люблю ее, как свою душу! Она – отрада моей старости!

– Вы не старый, мистер Лоутон, – покорно ответила Одесса.

– Ты проголосуешь за меня? – улыбнулся он.

– Ох, ну конечно.

– Ты и Джонни Реда попросишь проголосовать за меня, этого раздолбая?

– Мистер Лоутон, я пыталась заставить Джонни зарегистрироваться, но он твердит о подушном налоге. Я ему говорю, что такого больше нет, а он все равно не регистрируется. Вам нужно поговорить с ним, если хотите, чтобы он проголосовал за вас!

– Скажи ему, что я больше никогда не буду вытаскивать его из тюрьмы, если он не пойдет и не зарегистрируется.

– Я передам, – сказала Одесса.

Лоутон МакКрэй мрачно улыбнулся, затем повернулся к Индии, съежившейся от напора и грубости дедовского голоса.

– Как тебе вчерашние похороны? Большая Барбара сказала, что это твой первый раз. Я никогда не видел мертвых, пока не попал на службу, но, сдается мне, дети в наши дни растут быстро. Тебе было интересно? Ты расскажешь друзьям о похоронах на Юге? Сделаешь доклад об этом в классе, Индия?

– Было очень интересно, – сказала Индия. Она осторожно потянулась к нему тоненькой ручкой. – Не против, если я подниму стекло? – проговорила она с холодной улыбкой. – Весь прохладный воздух уходит наружу. – И она начала вертеть ручку, прежде чем тот успел высунуть голову и плечи.

– Люкер! – крикнул Лоутон МакКрэй сыну, который был всего в метре от него, – а дитятко-то выросло! Стала на голову выше с тех пор, как мы последний раз виделись. Такая куколка! Рад, что она не унаследовала твою внешность. С тебя уже ростом, да? С каждым днем все больше и больше похожа на маму, сдается мне.

– Да, – безразлично согласился Люкер, – сдается мне, так и есть.

– Пойдем, хочу поговорить с тобой минутку.

Лоутон МакКрэй затащил сына в тень желтого трактора, хотя это место, воняющее химикатами, дизельным топливом и фосфорной пылью, вряд ли могло обеспечить защиту от солнца Алабамы. Стоя одной ногой на зубчатой пасти трактора, словно собираясь запустить его и швырнуть высоко в воздух, Лоутон МакКрэй вел с Люкером неохотный разговор почти десять минут.

Каждый раз, когда Индия выглядывала на отца и деда, она все больше и больше удивлялась, как Люкер продержался так долго. Под благовидным предлогом, что весь холодный воздух в машине уже рассеялся, Индия опустила стекло. Но даже теперь она не слышала ни слова из того, о чем говорили двое мужчин. Голос Лоутона был нехарактерно сдержанным.

– О чем они говорят? – спросила она Одессу. Ее любопытство пересилило нежелание разговаривать с чернокожей женщиной.

– О чем им еще говорить? – риторически ответила Одесса. – Они говорят о миз Барбаре.

Индия кивнула: похоже на правду. В следующие несколько минут двое мужчин – один коренастый, краснолицый, тучный и медлительный, а другой маленький, быстрый, смуглый, но не обгоревший, настолько же похожие на отца и сына, как Индия и Одесса походили на дочь и мать, – двинулись обратно к машине. Лоутон МакКрэй просунул толстую руку в окно, схватил Индию за подбородок и почти наполовину вытащил наружу.

– В голове не укладывается, насколько ты похожа на мать. Твоя мама была красивейшей из всех женщин, что я когда-либо видел.

– Я и близко на нее не похожа!

Лоутон МакКрэй громко засмеялся ей в лицо.

– Да ты и говоришь, как она! Мне было так жаль, что твой папочка развелся. Но право, она ему не нужна, когда у него есть ты!

Индия была слишком смущена, чтобы говорить.

– Как там у нее дела, у твоей мамы?

– Не знаю, – соврала Индия. – Я не виделась с ней семь лет. Я уже даже не помню, как она выглядит.

– Посмотришь в зеркало, Индия, посмотришь в чертово зеркало!

– Лоутон, – сказал Люкер, – нам надо ехать, если мы хотим приехать в Бельдам до прилива.

– Тогда поезжайте! – закричал отец. – И послушай, Люкер, дай мне знать, как у вас идут дела, понятно? Я полагаюсь на тебя!

Люкер многозначительно кивнул. Фраза «как идут дела», казалось, имела конкретное и важное значение для обоих мужчин.

Когда Люкер выезжал с территории компании по производству удобрений МакКрэя, Лоутон МакКрэй высоко вскинул руку и долго держал ее в облаке пыли.

– Послушай, – сказала Индия отцу, – если его изберут, я ведь не обязана рассказывать об этом друзьям?

Глава 5

Их путь пролегал на юг через внутренние районы округа Болдуин по узкой незатененной проселочной дороге, окаймленной неглубокими канавами, заросшими травой и какими-то некрасивыми желтыми цветами. За невысокими ветхими заборчиками из колышков или проволоки лежали обширные поля бобовых культур, которые прилегали к земле, казались очень дешевыми и пыльными и могли быть посажены только по одной причине – быть сожранными без остатка либо человеком, либо скотом. Небо было блеклым, почти белым, перистые облака робко парили по краям горизонта, но у них не хватало смелости нависнуть прямо над путешественниками. То и дело они проезжали мимо какого-нибудь здания, и независимо от того, было ли тому дому пять лет или сотня, его переднее крыльцо провисало, стены покрылись волдырями от солнца, а дымоход держался на честном слове. Обветшание было повсеместным, как и очевидное отсутствие жизни. Даже Индия, которая мало чего ожидала от радостей сельской жизни, удивилась тому, что за двадцать километров не встретила ни единой живой души: ни мужчину, ни женщину, ни ребенка, ни собаку, ни даже ворону.

– Время обеденное, – сказала Одесса. – Вот все и сидят за столом. Поэтому никого не видно. В двенадцать часов никого нет на улице.

Даже Фоли, городок, который мог похвастаться населением в три тысячи душ, казался заброшенным, когда они проезжали через него. Конечно, в центре были припаркованы машины, и Одесса утверждала, что видела лица в окне банка, а полицейский автомобиль свернул за угол в двух кварталах впереди, но город был необъяснимо пуст.

– А вы бы вышли в такой день? – спросила Одесса. – Все, кто в здравом уме, остаются дома под кондиционером.

Ради эксперимента Индия немного опустила стекло: жара взревела и обожгла ей щеку. Термометр на здании банка Фоли показывал сорок градусов.

– Боже мой! – сказала Индия. – Надеюсь, там, куда мы едем, есть кондиционер.

– Нет, – ответил Люкер. – Индия, когда я был маленьким и каждое лето приезжал в Бельдам, там даже электричества не было, разве не так, Одесса?

– Верно, оно и сейчас не всегда работает. Нельзя рассчитывать на генератор. В Бельдаме есть свечи. Есть керосиновые лампы. А тот генератор – не доверяю я ему. Но, деточка, у нас там целая куча бумажных вееров.

Индия печально взглянула на отца: куда ее везут? Какие преимущества мог иметь Бельдам перед Верхним Вест-Сайдом, даже перед Верхним Вест-Сайдом в невыносимейше жаркое лето? Люкер сказал Индии, что Бельдам ничуть не хуже Файер-Айленда, любимого места Индии, но неудобства Файер-Айленда лишь придавали ему живописности и привлекательности. Индия подозревала, что в Бельдаме не было благ цивилизации, и боялась, что ей будет не только скучно, но еще и по-настоящему некомфортно.

– Как там с горячей водой? – спросила она, решив, что это справедливый критерий для оценки места.

– Ой, на плите согревается в мгновение ока, – ответила Одесса. – Плиты греют что надо в Бельдаме!

Индия больше не задавала вопросов. От Фоли до побережья было немногим более пятнадцати километров. Поля сдали позиции, их место занял хлипкий усеянный пнями лесок из больных сосен и кустарниковых дубов. Местами подлесок, густой, коричневатый и непримечательный, был занесен белым песком. Тот то и дело взвивался над дорогой, а вдали вздымались песчаные дюны. С небольшого холма стал виден Мексиканский залив. Он был перламутрово-голубым, такого цвета, каким следовало бы быть небу. Пена, бившаяся на гребнях ближайших волн, казалась серой в сравнении с белизной песка на обочинах дороги.

Внезапно в поле зрения появился Галф-Шорс – курортный поселок с парой сотен домов и дюжиной магазинчиков. Фасады всех зданий были покрыты зеленой черепицей, а крыши – серой, все оконные решетки – ржавые. Даже если сейчас, в середине недели, здесь проживало действительно мало людей, это место, по крайней мере, сохраняло иллюзию многолюдности, и Индия позволила своей надежде возродиться. Затем, словно нарочно, чтобы развеять ее жалкие крохи, Люкер заметил, что этот участок побережья называют «Ривьерой для деревенщины». Он свернул на указателе с надписью «Автодорога Дикси Грейвс» на ленту асфальта, которая иногда терялась под тонкой пеленой белого песка. Галф-Шорс быстро остался позади.

По обеим сторонам дороги дыбились волнами мягкие белые дюны, там и сям встречались пучки высокой жесткой травы и заросли морских роз. Дальше в обе стороны раскинулась синяя вода, но только с левой стороны волны бились о берег. Одесса указала направо.

– Это бухта. Бухта Мобил. А Мобил там наверху – как далеко, вы сказали, мистер Люкер?

– Около восьмидесяти километров.

– Ну вот, его не видно, – сказала Одесса, – но он там. – А это, – указала налево, – вот это залив. Там ничего нет, вообще ничего.

Индия в этом не сомневалась.

Они ехали через другой район: всего пара десятков домов и совсем нет магазинов. Тонны раздробленных ракушек, выложенных на песке, образовывали подъездные дорожки и дворики возле домов. Лишь несколько домов не были заколочены, и это место казалось Индии последней стадией запустения.

– Это Бельдам? – спросила она тревожно.

– Боже правый, нет! – засмеялась Одесса. – Это Гаск! – сказала она таким тоном, как если бы Индия спутала Всемирный торговый центр с Флэтайрон-билдинг.

Люкер заехал на заправочную станцию, которая, как оказалось, была закрыта несколько лет назад. Индия никогда раньше не видела такие бензоколонки: тонкие и круглые, с красными стеклянными колпачками, что делало их похожими на слонов на шахматной доске.

– Здесь закрыто, – сказала она отцу. – У нас кончился бензин? – жалобно спросила она, желая все это время оказаться на углу Семьдесят четвертой улицы и Бродвея. (Как ясно она могла это представить!)

– Нет, все нормально, – сказал Люкер, останавливаясь за станцией. – Нам просто нужно сменить машину, вот и все.

– Сменить машину!

За станцией был простроен маленький гараж. Люкер вышел из «Фэйрлэйна» и распахнул незапертую дверь. Внутри стояли «Джип» и «Интернешнл Скаут», оба автомобиля с номерами Алабамы. Люкер взял ключ, который висел на крючке в гараже, забрался в «Скаут» и выехал задним ходом.

– Я хочу, чтобы ты помогла все перенести, Индия, – сказал Люкер, и неохотно и угрюмо Индия вышла из прохладной машины. Через несколько минут все сумки и коробки с едой, лежавшие в багажнике и на заднем сиденье «Фэйрлэйна», были свалены в «Скаут». «Фэйрлэйн» загнали в гараж, и дверь снова закрылась.

– Что ж, – спросила Индия, когда Люкер и Одесса взобрались на передние сиденья «Скаута», – а мне где сесть?

– Выбирай, – сказал Люкер. – Можно встать на подножку, сесть на колени к Одессе. Или... прокатиться на капоте.

– Что?

– Но если выберешь капот, то держаться придется крепко.

– Я упаду! – закричала Индия.

– Мы остановимся ради тебя, – засмеялся Люкер.

– Черт тебя побери, Люкер, да я лучше пешком пойду, я...

– Деточка! – вскрикнула Одесса. – Что за выражения!

– Далековато идти, – продолжил смеяться Люкер. – Давай, вот полотенце. Расстели его на капоте и садись. Мы будем ехать медленно, а если соскользнешь, постарайся не попасть под задние колеса. Я так любил кататься на капоте! Мы с Ли дрались за поездку на нем!

Индия боялась поцарапать ногу, стоя на подножке, а сидеть на коленях Одессы было немислимым унижением. Когда Люкер отказался оставить ее у гаража и потом вернуться, она в гневе запрыгнула на капот «Скаута». После того как она устроилась на полотенце, которое ей вручила Одесса, Люкер выехал с заправки и направился в сторону побережья.

Ощущения от езды на капоте «Скаута» оказались не такими уж неприятными, несмотря на выющийся белый песок, который проникал Индии под одежду и забивался в глаза. Даже под солнечными очками ей приходилось щуриться от яркого света. Люкер ехал медленно прямо вдоль линии прилива, широкие дуги пенистой воды то и дело пробирались под колеса. Чайки, песчаники и птицы еще четырех видов, которых Индия не могла опознать, разлетались при их приближении. Крабы удирали прочь, а когда она выглянула из-за крыла, то увидела тысячи крошечных воронок в песке, через которые дышали панцирные создания. Рыба плескалась в прибрежных волнах, и Люкер, чей голос она не слышала из-за сильного прибоя, указал в сторону, где за светло-зеленой линией – должно быть, песчаной отмелью – резвилась стая морских свинок. По сравнению с этим берег Файер-Айленда был безжизненным.

Они проехали на запад примерно шесть километров. После того как Гаск оказался позади, домов они больше не видели. Изредка показывалась нить автодороги Дикси Грейвс, но машины по ней не ехали. Индия повернулась и крикнула через лобовое стекло: «Далеко еще?» Ни Люкер, ни Одесса ей не ответили. Ее рука коснулась капота, и она отдернула ее, обжегшись.

Люкер резко развернул «Скаут», и Индии пришлось цепляться изо всех сил, чтобы не соскользнуть. Волна крупнее всех остальных разбилась о переднее крыло, заливая капот и Индию.

– Лучше? – закричал Люкер, насмехаясь над ее явным неудобством.

Внутренней стороной рукава – единственной непромокнувшей частью одежды – Индия вытерла свое обиженное лицо. Она больше не поворачивалась. Солнце высушило ее всего за несколько минут. Шум волн, нежное покачивание «Скаута», урчание мотора под капотом и, главным образом, жар, наполнявший все сущее в этом уединенном месте, зачаровывали девочку так, что она почти позабыла о своем гневе. Люкер нажал на гудок, и она резко дернулась.

Он указал вперед и произнес: «Бельдам». Индия прислонилась спиной к лобовому стеклу, не заботясь о том, блокирует ли она обзор, и уставилась вперед. Они пересекли небольшую влажную впадину из морского песка и глины, усыпанную ракушками, напоминавшую дно реки, и вышли на длинную косу шириной не более пятидесяти метров. Слева был залив, вдаль – чайки, летучие рыбы и морские свиньи, а справа – узкая лагуна с зеленой неподвижной водой, за ней – гораздо более широкий полуостров, пересеченный автодорогой Дикси Грейвс. Они проехали по этой узкой косе еще метров четыреста, и небольшая лагуна справа стала шире и заметно глубже. Теперь она увидела впереди россыпь домиков, не похожих на те, что построены в Галф-Шорс и Гаске: маленькие черепичные обувные коробки на бетонных блоках с ржавыми решетками. Это были большие причудливые старые дома, какие можно было найти на журнальных столиках в книгах об экстравагантной американской архитектуре.

Теперь она могла рассмотреть три обособленных дома в самом конце косы. Большие, высокие здания в викторианском стиле, выцветшие в однотонно серый, угловато вытянутые, с сотней мелких затейливых деревянных орнаментов. Когда они подъехали ближе, Индия заметила, что все три дома были одинаковыми, с одинаковыми окнами, одинаково расположенными на фасадах, и одинаковыми купольными верандами с трех одинаковых сторон. Каждый был направлен в свою сторону. Дом слева обращен к заливу, дом справа – к лагуне и полуострову,

который вился от Галф-Шорс. Третий дом, в середине, выходил на конец косы, но вид с запада явно перекрывали высокие дюны, которые там образовались.

Дома располагались под прямым углом и примыкали к открытой площади с покрытыми ракушками тропками и невысокими кустарниками. За исключением этой растительности, все покрывал белый песок, а дома возвышались над волнистой поверхностью изменчивого пляжа.

Индия была в восторге. Какое имели значение перебои электричества и мытье головы в холодной воде, когда Бельдам целиком и полностью состоял из трех настолько великолепных домов?

Люкер остановил «Скаут» у кустарника, который делили между собой три дома. Индия спрыгнула с капота.

– Какой из них наш? – спросила она, и отец засмеялся над ее неприкрытым восторгом.

Он указал на дом на заливе.

– Это наш. А это Ли и Дофина – указывая на дом напротив, расположившийся у небольшой лагуны. – Водоем называется «Лагуна Эльмо». Во время прилива, как ты уже знаешь, воды залива впадают в Сэнт-Эльмо, и мы полностью отрезаны от мира. Во время прилива Бельдам превращается в остров.

Индия указала на третий дом.

– А это чей?

– Ничей, – ответила Одесса, вынимая из «Скаута» ящик с едой.

– Ничей? – удивилась Индия. – Какой чудесный дом – они все чудесные! Почему там никто не живет?

– Не могут, – ответил Люкер с улыбкой.

– Почему?

– Обойди и посмотри, – сказал он, вытаскивая первую сумку из «Скаута». – Обойди и посмотри, а потом возвращайся и помоги мне и Одессе распаковать вещи.

Индия быстро зашагала по тропинкам, пересекавшим общую территорию, которую Люкер называл двором, и увидела, как близко песчаные дюны в конце косы наступают на третий дом. Что-то заставило ее отстранить мысль подняться по ступенькам на веранду, и она обогнула ее. И остановилась.

Дюна белого песка – ослепляющая от солнца, бьющего прямо в глаза, – не просто наступала на дом, она практически уже начала его поглощать. Задний фасад дома был в порядке, но весь передний покрывал песок, возвышаясь над крышей веранды. Дюна грациозно проскользнула по веранде, замуравав дубовые качели, свисавшие на цепях с потолка.

Индия пробралась к другой стороне дома. Там ее ожидало то же самое, хотя песок забирался не так высоко, а его склон был более пологим. Ей хотелось зайти в третий дом и посмотреть, занимает ли дюна комнаты такими же пологими волнами, или стены и окна смогли удержать позицию. Сможет ли она добраться до окна и посмотреть через стекло внутрь дюны?

Она колебалась в углу веранды. Любопытство переполняло: она позабыла всю злобу на отца за то, что он привез ее в это богом забытое место.

Но все же что-то заставляло Индию воздержаться от подъема по ступеням веранды, что-то говорило не заглядывать в окна того дома, в котором никто не жил, что-то удерживало ее даже от того, чтобы ткнуть носком крупницы белого песка, просыпавшиеся с вершины дюны на землю у ее ног. Люкер позвал ее, и она побежала назад помогать ему разгрузить «Скаут».

Глава 6

После того как «Скаут» был разгружен, Индия обошла весь дом МакКрэев, комнату за комнатой. Вспоминая о холодной роскоши декора в доме Большой Барбары в Мобиле, она была удивлена домашними, но в то же время хорошо продуманными интерьерами этого здания. Люкер объяснил, что загородный дом был отремонтирован, когда они купили его в 1950 году, и, за исключением замены обивки, подушек и портьер, моментально гнивших в соленом воздухе, с тех пор его не трогали. По мнению Индии, не хватало всего-навсего ковров на деревянном полу, но Люкер сказал, что невозможно содержать ковры в чистоте, когда песок весь день гуляет по дому.

Все первые этажи в Бельдаме состояли из трех больших комнат: гостиной, которая тянулась вдоль одной стороны дома, а напротив нее – столовой в передней части и кухни в задней. Единственная ванная комната была оборудована в углу кухни. На втором этаже по углам расположились четыре спальни, каждая с двумя окнами и одной дверью, выходящей в центральный коридор. Узкая лестница вела на первый этаж, и еще более узкая – на третий. Верхняя часть каждого дома представляла собой тесную комнату с окнами с обеих сторон, которую всегда отводили для слуг.

Индии выделили спальню на втором этаже, с окнами на залив, а сбоку открывался захватывающий вид на губительную дюну, пожиравшую третий дом. В комнате находились железная двуспальная кровать с медными вставками, расписной туалетный столик, шифоньер, плетеный письменный стол и большой шкаф.

Пока Индия распаковывала вещи, в комнату вошел отец; он присел на край кровати и заправил пленку в свой «Никон».

– А ты какую комнату выбрал? – спросила Индия.

– Вон та, – ответил Люкер, указывая на стену, которая была общей с соседней спальней в передней части дома. – Это моя комната с пятьдесят третьего года. Большая Барбара заселилась напротив меня.

– Итак, – сказал он, поднимая камеру и быстро делая пару снимков дочери, стоящей перед открытым чемоданом, – как тебе Бельдам?

– Очень нравится, – тихо сказала она, как бы намекая ему на то, что имеет в виду нечто большее.

– Я так и думал. Пусть даже это и край света.

Она кивнула.

– Знаешь, ты ведешь себя очень по-нью-йоркски, – продолжал отец.

– Почему это? – удивилась она.

– Первым делом распаковываешь вещи.

– С каких пор это стало исключительно нью-йоркским поведением? – защитилась она, замерев между чемоданом и комодом.

– Потому что когда ты закончишь, то захлопнешь его и засунешь под кровать – как видишь, чуланов в этих домах нет, – и скажешь себе: «Ну все, теперь можно заняться делом!»

Индия засмеялась.

– Все верно. Кажется, я думаю о Файер-Айленде.

– Да, – сказал Люкер, – но мы обычно проводим на острове два или три дня, – повернешь немного направо, и ты в тени. Одному богу известно, сколько мы проведем здесь. И, если ты не заметила, то я должен упомянуть, что здесь, в Бельдаме, не так уж и много развлечений.

– Тебе будет хуже, чем мне, – она пожала плечами, – по крайней мере, я недостаточно взрослая, чтобы изнывать от желания...

– Со мной все будет нормально, – ответил Люкер. – Я приезжал сюда всю свою жизнь, по крайней мере пока ты не родилась. Эта женщина – как Барбара ее называет – эта женщина и я приехали сюда однажды во время нашего медового месяца, и она возненавидела это место и сказала, что ноги ее здесь больше не будет. Мы задержались тут недолго, только и успели тебя зачать.

– Что? Ты думаешь, это случилось здесь?

Люкер пожал плечами.

– Мне так кажется. Само собой, мы с этой женщиной начали кувыряться задолго до свадьбы, но она принимала таблетки. А в медовый месяц слезла с них – и мне не сказала, конечно же. А когда я узнал, мы здорово поругались и не занимались сексом примерно два месяца – так что по всем расчетам тогда было подходящее время для твоего зачатия.

– То есть ты говоришь, что я была ошибкой?

– Ну да, ты правда думаешь, что я хотел ребенка?..

– Но тогда это очень странно, – сказала Индия.

– Что именно?

– Что меня могли зачать здесь, и с тех пор я здесь впервые.

– Не думаю, что ты много об этом помнишь.

– Нет, – ответила Индия, – но это место не кажется мне совершенно чуждым.

– Когда твоя мать сказала, что ненавидит Бельдам, я думаю, что понял – с браком что-то не так. Но все же, так или иначе, с тех пор я сюда не ездил – так странно здесь находиться.

– Воспоминания нахлынули?

– Еще бы, – ответил он и махнул рукой в сторону окна. Индия, у которой были уже тысячи ее фотографий, сделанных отцом или его друзьями, без стеснения подчинилась и продемонстрировала позы и выражения лица, которые, как она знала, ему нравились.

– Но, – сказал он, возясь с экспозицией, – я просто хотел предупредить тебя, что развлекаться придется самой.

– Я знаю.

– А если станет совсем тошно, дай мне знать, и я подкину тебе таблетку.

Индия нахмурилась:

– Меня от них мутит.

– Я пошутил. Тебе здесь ничего не понадобится.

Волна громко разбилась о берег, и им пришлось перекрикивать шум. С залива подул ветер, и тонкие занавески нежно окутали Индию.

– Картины на стене – мои, – сказал Люкер. – Я рисовал, когда приезжал сюда. Раньше я думал, что стану художником.

– Отстойные картины, – беззлобно сказала Индия, – но ты хороший фотограф. Почему бы не снять их и не повесить твои снимки?

– Может, так и сделаю. Может, это даже станет проектом года, если я смогу набраться сил. Должен предупредить: Бельдам – место довольно вялое. Можно рассчитывать на два дела в день, одно из которых – встать с постели.

– Люкер, я смогу о себе позаботиться. Не беспокойся. Я привезла с собой то панно, которое хочу повесить дома над кроватью, и оно займет у меня вечность. Пока есть иголка и нитка, со мной все будет в порядке.

– Вот и отлично, – с облегчением сказал Люкер. – Обещаю, что не буду о тебе беспокоиться.

– Как долго мы здесь пробудем?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Зависит от обстоятельств. Не переживай.

– Не буду. А от каких обстоятельств?

– От Большой Барбары.

Индия кивнула – она поняла, что Люкер не хотел вдаваться в подробности, потому что этот вопрос еще не обсуждался. Распаковав вещи, Индия закрыла чемодан и задвинула его под кровать. Она села за туалетный столик, и Люкер сфотографировал ее отражение в зеркале.

– Встань у окна, – сказал Люкер спустя несколько секунд, – я хочу, чтобы на заднем плане был залив.

Вместо того чтобы подойти к окну, выходящему прямо на воду, она встала у другого окна и посмотрела на дом, находившийся в пятнадцати метрах от нее. Между двумя зданиями не было ничего, кроме квадрата нетронутого песка.

– Этот дом просто не дает мне покоя, – сказала Индия. – Кто им владеет? Он принадлежит Сэвиджам?

– Наверное... – нерешительно ответил Люкер.

– С ума сойти. В Бельдаме всего три дома, ты приезжаешь сюда тридцать лет подряд, но не знаешь, кому принадлежит третий дом?

– Нет.

Он фотографировал ее, быстро перемещаясь, чтобы захватить разные ракурсы, и, как показалось Индии, эти ракурсы не включали третий дом на заднем плане.

– Давай спустимся, – сказала Индия, – и посидим на улице. Я хочу, чтобы ты рассказал мне про Бельдам. Получается, ты практически держал это место от меня в секрете. Ты никогда не говорил, что здесь так замечательно!

Люкер кивнул, и через несколько минут они уселись на качели, висевшие под юго-восточным сводом веранды. Перед глазами был только залив, а если повернуться, то прямо позади виднелся дом Сэвиджей, но третий дом находился вне поля зрения за углом веранды. Индия хлопнула ладонями комара и спросила:

– Когда был построен Бельдам?

– Прапрадед Дофина построил все три дома в 1875 году. Один для себя и своей второй жены, другой для своей сестры с мужем, и третий для старшей дочери с мужем. И у всех были дети. Вероятно, он решил спроектировать однотипные дома, чтобы избежать споров о том, кому достался лучший – а может, просто хотел сэкономить. Ясное дело, в 1875 году здесь вряд ли можно было найти дешевые материалы и рабочую силу. Все нужно было доставлять на лодке из Мобила или, может быть, из Пенсаколы. Я бы и сам хотел побольше узнать о строительстве этих домов – это самое интересное. Может, Дофин знает, где хранятся записи – Сэвиджи никогда ни от чего не избавляются.

Люкер взглянул на дочь, чтобы убедиться, что ей все еще интересно. Она поняла и кивнула в знак поощрения.

– В любом случае, – продолжил он, – все три семьи проживали здесь с середины мая до середины сентября. Их было около двадцати человек, не считая слуг и гостей. Дело не в том, что летом здесь прохладнее, а в том, что в Мобиле было небезопасно. Многие умерли тогда от малярии. А дома перешли по наследству к другим Сэвиджам. Во время Великой депрессии два из них продали, этот дом и третий – хотя, по-моему, Сэвиджи сглупили, не оставив себе тот, что выходит на залив. Лоутон и Большая Барбара приобрели его в 1950 году у Хайтауэров, которые были должны им деньги, так что Лоутон принял дом в качестве оплаты. Мы начали приезжать каждый год и оставались с Большой Барбарой почти на все лето. Именно тогда Большая Барбара и Мэриэн Сэвидж стали такими хорошими друзьями. Они ожидали Ли и Мэри-Скот в одно и то же время. А мы: я, само собой, Дофин и еще Дарнли – играли вместе весь день. Мы с Дарнли ровесники.

– В третьем доме уже тогда никто не жил?

Люкер покачал головой.

– Никого с тех пор, как я здесь бываю. Конечно, он не всегда был покрыт песком. Не думаю, что дюна появилась раньше, чем лет двадцать назад. До этого дом просто закрыли, и никто не приходил. Не могу точно вспомнить, что там была за история. Как я уже сказал, дом продали во время Великой депрессии, и кто-то тут поселился. Но надолго они не задержались – думаю, на этом все. Дом купили, но больше никогда им не воспользовались, и когда Сэвиджи поднакопили денег во время Второй мировой, то выкупили его обратно. Как-то так – Дофин рассказал бы точнее.

– Почему люди, купившие третий дом, перестали туда приезжать? Что-то случилось?

– Не знаю, – пожал плечами Люкер. – Я не помню, в чем там было дело. Странно думать обо всем этом снова, я правда многое забыл. Мы приезжали сюда несколько лет, Ли и Мэри-Скот уже родились, а спустя еще несколько лет Дарнли начал проводить лето в парусном лагере в Северной Каролине. Тогда мы с Дофином по-настоящему сблизились. Я на три года старше него. Забавно, что ты зовешь дом третьим, потому что именно так мы всегда его называли. Раньше он меня пугал, и Ли тоже. Поэтому моя комната с той стороны – оттуда нельзя увидеть третий дом. Ночью мне было страшно смотреть на него, я боялся, что внутри что-то живет.

– Но ты дал мне комнату, которая выходит на него, – сказала Индия.

– Но ты не боишься, – ответил Люкер. – Я воспитал тебя так, чтобы ты не боялась подобных вещей.

– Песка теперь стало намного больше, чем когда ты был здесь в прошлый раз?

Люкер поколебался, прежде чем ответить. Он прихлопнул москита на руке.

– Не знаю, – сказал он. – Нужно пойти и посмотреть.

– Пойдем посмотрим, – согласилась Индия. – Хочу увидеть, как там. Возьми камеру, сделаешь снимки. Может, если мы сможем попасть внутрь, сфотографируешь меня в комнате, наполовину заполненной песком, – будет отпад!

– Ох, – мягко сказал Люкер, – не распаляйся так, Индия. В нашем распоряжении все время мира. В Бельдаме настолько нечего делать, что, может быть, тебе стоит приберечь немного развлечений на тот случай, когда станет по-настоящему скучно. – Он уперся ногой в половицы и толкнул качели по дуге вбок. Через открытое окно дома Сэвиджей было слышно, как Одесса раскладывает продукты по кухонным шкафчикам.

Глава 7

Индия, унаследовавшая от матери нежную кожу, пряталась под длинными рукавами и широкополой шляпой, пока Люкер проводил ей экскурсию по косе. Прямо от своего дома они отправились к широкой и пологой впадине, похожей на засохшее русло реки. Через это русло во время прилива лагуна Сэнт-Эльмо соединялась с заливом и полностью отделяла Бельдам от материковой части полуострова. Они прогулялись вдоль лагуны Сэнт-Эльмо – Индию восхитила красота спокойной зеленой воды.

– Не знаю, почему ты не рассказывал своим друзьям в Нью-Йорке про Бельдам, – сказала Индия. – Это же идеальное место для вечеринки в загородном доме. У твоих друзей есть деньги, они могли бы себе позволить прилететь на выходные. На Лонг-Айленде нет ничего подобного – ничего настолько укромного.

Люкеру не понравился вопрос, и для Индии это было очевидно.

– Бельдам – очень уединенное место, – наконец сказал он. – Это семейное место. Он принадлежит нам – МакКрэям и Сэвиджам. Мы никогда особо никого не приглашали.

– Вообще? – удивилась Индия. – В Бельдаме что, никогда не было гостей?

– Конечно, были, – ответил Люкер. – Много раз, наверное, но в последнее время нет.

– С каких пор?

Люкер пожал плечами.

– С тех пор, как Дофин окончил школу.

– А почему перестали приглашать гостей?

– Мы просто поняли, что гостям – людям не из нашей семьи – на самом деле не нравился Бельдам.

– Мне нравится, – сказала Индия.

– Ты из нашей семьи, дурочка.

– Иметь семью – это так странно, – задумчиво сказала Индия. – Со всеми этими людьми у тебя нет ничего общего, кроме родственных уз. Но тебе легче, потому что ты вырос в компании целой кучи людей. А у меня был только ты.

– Лучше просто я, чем я и твоя мать одновременно.

– И то правда! – воскликнула Индия. – Но что заставило вас всех внезапно перестать приглашать людей в Бельдам?

– Ой, ну, я не совсем уверен...

– Неправда, – запротестовала Индия. – Скажи, скажи.

– Ну, у Дофина тут была вечеринка. Сразу после окончания школы, и он пригласил на выходные кучу друзей...

– И ты был на ней?

– Тем летом я проходил дополнительные курсы в Колумбийском университете. Я не смог приехать. Но Большая Барбара и Ли были здесь, и все девочки ночевали в нашем доме. А мальчики остановились у Сэвиджей. Одесса и Мэриэн Сэвидж, конечно, тоже там были, следили за происходящим.

– И что-то случилось?

Люкер кивнул.

– Что?

– Не уверен...

– Что это значит?

– Это значит, что я не совсем уверен, что именно случилось. Наверное, ничего. Но все девочки ночевали в нашем доме, а две спальни на западной стороне – та, в которой сейчас ты, и вторая напротив – выходят на третий дом. В ту субботу они не спали допоздна, болтали,

сплетничали, делали прически или чем там занимаются старшеклассницы, когда приезжают на пляж, – и увидели что-то снаружи.

– Что увидели?

– Ну, как они подумали, они увидели женщину...

– Женщину? Какую?

– Они не смогли толком рассмотреть. Просто женщину – толстую и в длинном платье, это все, что известно.

– Что она делала? Она просто гуляла по двору или что-нибудь такое? Может, это была Мэриэн Сэвидж.

– Мэриэн Сэвидж всегда была очень худой, даже до того, как заболела раком. А они видели большую толстую женщину – она гуляла по крыше третьего дома.

– Что?

– Она просто ходила по крыше над верандой, заглядывала во все окна и пыталась приоткрыть их снаружи. Они не смогли хорошо рассмотреть, потому что было очень темно. Они...

– Женщина забралась в третий дом?

– Не было там никакой женщины, – ответил Люкер. – Им померещилось. Это была коллективная галлюцинация или еще что-нибудь. Там никого не было. Ты видела, как тяжело попасть в Бельдам – никто не приедет сюда посреди ночи. Особенно толстая женщина в длинном платье. И на эту крышу невозможно подняться без лестницы, а наутро никакой лестницы не нашли. Им все это померещилось.

– Может, это была взломщица.

– Из толстых женщин получают посредственные взломщицы, Индия. И к тому же зачем взломщику появляться здесь тогда, когда вокруг много людей, а не тогда, когда совершенно безлюдно? Эти девочки кричали, но женщина даже не обернулась на них.

– И куда она делась? Что с ней случилось?

– Девочки сказали, что она просто завернула за угол и исчезла, и больше они ее не видели.

– Может, она забралась в окно с другой стороны. На следующий день кто-нибудь заходил в дом?

– Конечно же нет. Не было никакой женщины. Но девочки испугались. Они разбудили Большую Барбару, Одессу, Мэриэн Сэвидж, и все вернулись в Мобил той же ночью. И с тех пор мы никого не приглашаем в Бельдам. И из того, что рассказывала Большая Барбара, у меня сложилось ощущение, что большинство людей сюда не приедут, даже если их пригласят.

Занятые этой беседой, они подошли к дому Сэвиджей. Люкер остановился и указал на легкое движение в темноте, видимое в окне второго этажа.

– Одесса готовится к приезду остальных. Она приезжает сюда так же давно, как и все мы. Ей отвели спальню на втором этаже – как раз ту, что выходит на третий дом, но она отказалась. Вместо этого заняла третий этаж. Он весь в ее распоряжении, и она утверждает, что жара ее не беспокоит. Спустя тридцать лет полагаю, что и в самом деле нет.

Люкер остановился у дома, и Индии показалось, что он скорее бы продолжил разговор об Одессе, чем завершил бы обход Бельдама. Она потащила его мимо дома Сэвиджей к самому краю косы. Здесь заходящее солнце бликовало резкими штрихами на бьющихся друг о друга волнах.

– Я ничего не смыслю в морской геологии или как она там называется, – сказал Люкер, – поэтому я не могу сказать, что здесь происходит. Но, когда я был в твоём возрасте, пляж здесь был намного больше, а теперь все под водой, и осталась всего лишь какая-то песчаная отмель – к тому же не самая безопасная. На вид она безопасная, но я бы не стал доверять этому *виду*. Когда я был маленьким, дюна только начинала формироваться, и Мэриэн Сэвидж все ворчала про песок, клубившийся на крыльце третьего дома. Тогда мы еще не знали, что весь дом

накроет. Каждый раз, возвращаясь, мы обнаруживали, что дюна стала чуть выше. А теперь смотри – сказал он, стоя спиной к воде, – отсюда почти ничего не видно за песком.

Индия смогла разглядеть лишь большую часть второго этажа дома и единственное окно наверху. Ее ослепило солнце, отражавшееся в уцелевших стеклах.

Она прыгнула вперед и наступила на основание дюны. Текстура здешнего песка заметно отличалась от пляжного, чтобы можно было говорить об «основании дюны».

– Что ты делаешь? – резко спросил Люкер.

– Я собираюсь забраться наверх и посмотреть в окна. Пошли! – она не без труда сделала пару шагов вверх.

– Нет! – закричал Люкер.

Индия обернулась и улыбнулась: она его проверяла. Его нежелание говорить о доме самому, без ее расспросов, было очевидным.

– Ты все еще боишься его, – сказала она. – Ты боялся, когда был маленьким мальчиком, но и сейчас все еще боишься, – она стояла на несколько метров выше, чем он, и ее ноги медленно уходили в рыхлый мелкий песок.

– Да, – ответил он, – конечно, боюсь. Спроси Ли, и она скажет, что тоже боится.

– А Дофин? И он боится третьего дома?

Люкер кивнул.

– А что насчет Большой Барбары и Одессы?

– А им чего бояться? – спросил Люкер. – Они начали приезжать в Бельдам, будучи уже взрослыми. Думаю, дом, скорее всего, действует только на детей. В нем нет ничего странного, нет никаких историй о привидениях или еще чего-то. Наверное, это оттого, что дом был пустым и на него поддувало песком, а здесь было настолько скучно, что не оставалось ничего лучше, чем пугаться, вот и все.

– Тогда заберись сюда со мной и давай заглянем в окна. Я хочу посмотреть, не попал ли песок внутрь дома.

– Это небезопасно, Индия.

– Черт побери, Люкер, это гребаные песчаные дюны, а ты на них уже достаточно насмотрелся на Файер-Айленд, разве нет?

– Да, – ответил Люкер. – Но на острове были постоянные дюны, они...

– Дюны непостоянны, – нравоучительно сказала Индия, – вот что делает их дюнами, и, к тому же, эта всего метров пять в высоту.

Не дожидаясь разрешения отца, она повернулась и быстро зашагала к вершине. Ступни в сандалиях вязли в мелком белом песке, и она с трудом поднимала их. Она остановилась, сняла сандалии и бросила их Люкеру. Он поднял их, постучал ими по бедру и нетерпеливо взмахнул, ухватив за ремешки.

Индия направилась к окну слева, чтобы заглянуть в комнату, которая была копией ее собственной. Песок доходил до второго из четырех рядов оконного переплета.

Босиком Индия добралась до вершины дюны. Она бы соскользнула вниз, если бы не схватилась за одну из геральдических лилий, украшавших фриз второго этажа. Она подтянулась прямо к окну, чтобы как следует рассмотреть комнату, повторяющую ее собственную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.